

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣсяцъ "Уніонъ"
состоится

КОНЦЕРТЪ

въ залѣ новой биржи

въ среду, въ семь часовъ вечера

Мари́и Ива́новны Долиной

КОНЦЕРТЪ

однажды

только

STRATEG

№ 1 (120)

Март 2024 г.

ГАЗЕТА ВСЕСВІТНЬОГО КЛУБУ
ОДЕСИТИВ

ЗМІСТ

По волнам
нашей
памяти

стр. 3

ВКО – нові
проекти

стр. 5

У «Зеленой
лампы»

стр. 6-7

К 90-летию
М.М.Жванецкого

стр. 8-9

Дневники
войны

стр. 10

Прогулки
по бульвару
Жванецкого

стр. 15

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

На порозі – весна 2024-го. 24 лютого виповнилося два роки від початку повномасштабного російського вторгнення в Україну. Два роки! Але звикнути до цього неможливо. Важко навчитися жити поряд із війною, пропускати через себе біль. Два роки війни нас змінили. Ми менше сміємось. Ми навчилися ненавидіти, відчуваємо велику злість, досаду і намагаємося не збожеволіти від гніву. Навіть коли настає відчай, ми ховаємо його глибше, вчимося бачити у сутінках військових буднів світло, добро, красу. Ми віримо в нашу перемогу, підтримуємо близьких, тих, кому важко та погано.

Кожне покоління людей проходить свій життєвий шлях, набуває досвіду, знань. І ми знаємо, що треба жити далі, добре робити свою справу та намагатися не втрачати надію, віру та душевний спокій. Після нічних тривог та атак ми слухаємо новини, відстежуємо події, ситуацію на фронті. А потім, коли не в силу говорити про війну і політику, йдемо до моря, ближче до природи і глибоко дихаємо. Якщо довго дивитись вдалину, перестаєш розуміти, як у такому чудовому світі можна займатися війною. Але нас не питали, коли нападали, коли прийшли, щоб забрати у нас наші життя, нашу землю, наше майбутнє. Давайте не питати, чому, давайте не стогнати, за що. Давайте запитувати: що я можу зробити для своєї країни, свого міста, своїх співгромадян. Тому що найтемніше перед світанком. А він, світанок, незабаром почнеться. І ми маємо до нього готуватися. Нашим дітям потрібна Батьківщина, а вони мають бути потрібні їй.

Давньоримському імператору Марку Аврелію належить вислів: «Роби, що маєш, і будь, що буде». Якщо бути точним, його слова звучали: «Роби, що повинен. І станеться, що судилося». У цих словах велика мудрість і глибоке значення.

Але ж у нас, одеситів, є свій мудрець. 6 березня йому виповнилося 90. Він трохи не дожив до свого ювілею, мав свій план на життя і на смерть. Але він нам залишив свої поради та напуття. Читаємо та перечитуємо Жванецького, який знімає пилину з вічних питань та гірких істин. І відкривається глибина життя...

Наталія БРЖЕСТОВСЬКА

Фото Олександра СИНЕЛЬНИКОВА

✉ **Добрый день! Меня зовут Евсей Яковлевич Гадас.** Порекомендовал мне обратиться к вам мой старинный приятель и, я надеюсь, хороший друг Игорь Кнеллер. Причина моего обращения вот такая. Прекрасный сайт о людях Одессы создал Леонид Менделевич Рукман! Много знакомых фамилий я там увидел и с интересом узнал об этих людях много нового. Но, взглянув в рубрику с буквой «Т», не обнаружил там близкого мне одессита (мой троюродный брат) Ткачёва Мариана Николаевича, писателя, вьетнамиста, близкого друга Аркадия Стругацкого и Аркадия Арканова, человека, которого любил в писательской среде и в память о котором Алексей Симонов написал и опубликовал книгу «Мариан Ткачёв. Сочинитель, жантйом и фронт».

Мне кажется, что этот человек достоин быть представленным на сайте, посвящённом «Людям Одессы». Готов предоставить необходимую информацию.

С уважением Евсей Гадас, Израиль.

/Теперь этот пробел устранен. Страничка об одессите М.Ткачеве появилась на страницах электронного справочника «Они оставили свой след в истории Одессы»/.

✉ **Щиро вітаю, Всесвітній клуб одеситів!** Я, Склярський Денис Володимирович, народився 1 квітня 1984 р., що вже само по собі за багато говорить. Сам я киянин, проте, ще до того, як вперше побував в Одесі, мене часто питали викладачі в університеті, чи не одесит я часом. На моє питання на їх питання, чому вони так вважають, говорили «шо у мене характерний одеський говор».

Вперше побував в Одесі в 2015 році, і зрозумів, що – це моя мама, а Київ – тато. Було таке враження, що був як дома і прогулювався цими вулицями багато разів.

Одного разу в Одесі до мене підійшли люди і поцікавилися, як їм пройти на якусь вулицю (дивно, але не на Дерибасівську) і я все по-одеськи їм розказав і показав, ось поді я і зрозумів, що я справжній Одесит.

Прошу вас прийняти мене в члени Всесвітнього клубу одеситів.

Фото відправлю пізніше.

Вдячний за увагу! Бажаю перемоги, оптимізму і міцного здоров'я нам всім.

**С найлучшими пожеланиями,
Денис Склярский
Киев.**

гуки і зараз ми готуємо її переклад українською (дата виходу української версії – листопад).

Як я вже казала, я шукаю спосіб презентувати «Білих кроликів» в Одесі і, можливо, ВКО зможе прихистити мене і моїх читачів для презентації.

Дякую, що приділили мені час. За потреби у наступному листі надішлю книгу в PDF-форматі і детальний план презентації.

Сподіваюся на схвальну відповідь.

З повагою, Софія.

✉ **Здравствуйте! Пришло мое время проситься** в виртуальный Всемирный клуб одеситов!

Журналист, редактор, поэт. Начинала в Школе молодого журналиста в одесской молодежной газете «Комсомольская искра».

Работала в популярном украинском еженедельнике, в международных издательствах – редактором отдела, литературным редактором-корректором, выпускающим редактором; выпускница Киевского института журналистики и Одесского педагогического училища.

Родилась и выросла в Одессе, в 1992 году переехала в Киев, в апреле 2022-го получила коллективную защиту в Норвегии, г. Нарвик.

Пишу стихи и песни. Стихи и проза публиковались в сборниках международного литературного фестиваля-конкурса «Интерреальность» и в антологий Artelen.

С уважением, Оксана Чернышева.

✉ **Добрый день.** Последние номера «Дерибасовской-Ришельевской» уже в библиотеке им. Франко! Благодарю от имени библиотеки, лично от себя и, конечно, от читателей, что не оставили наше обращение без внимания. Спасибо!

**Людмила Карабечкая –
Директор библиотеки им Франко.**

✉ **Добрый день!** Совершенно случайно обнаружила ваш сайт: меня интересовал Михаил Михайлович Толстой. Конечно, постепенно, перечитано по возможности все: ничто так полно не дает нам представление о городе, как его жители.

Успела пересмотреть фотолоблочки. Спасибо вам огромное за пережитые эмоции. Музыка, конечно, способствовала прочувствованному. Одесса не просто отдельный город, она всегда шикарный город, была, есть и будет!

Мои самые добрые пожелания всем вам и еще раз огромное спасибо.

Людмила Калашикова

✉ **Добрый день!** Прошу принять меня в светлые ряды Всемирного клуба Одеситов!

Родился и вырос в Одессе, на Сегедской уг Армейской/Лен.бат/.

С раннего детства увлекся парусным спортом и практически переехал в Отраду (Черноморский яхт-клуб). Парусная школа закалила и дала путевку в жизнь.

Приютили на знаменитой яхте «Ланжерон», под командованием Натана Симоновича Генопольского. Наш вечный и недостижимый конкурент был хорошо Вам известный Анатолий Вербан на яхте «Алмаз» (привет Лесе Анатольевне). Так поступил в «Водный», которому и принадлежала яхта «Ланжерон». Закончил первый институт, так же, как и Михаил Михайлович Жванецкий (ОИМФ, ОНМУ), только специальность другая – ТТС. Но мечтой было море. Так я поступил в «Вьшкву» (ОНМА).

В этом году исполняется ровно 30 лет, как я занял-

ся парусным спортом и морем. И теперь это моя вторая жизнь, вторая страсть и вторая любовь!

Поэтому я хочу решить давно назревший вопрос и присоединиться, стать частью родного сообщества!

Засим кланяюсь и желаю всем жителям и членам нашего города и клуба крепкого здоровья, стойкости, и упорства!

Konstantin Piatokha

✉ **Поздравляем всех членов Всемирного клуба одеситов с 90-летним юбилеем бессменного президента ВКО Михаила Михайловича Жванецкого!** Мира, добра, процветания!

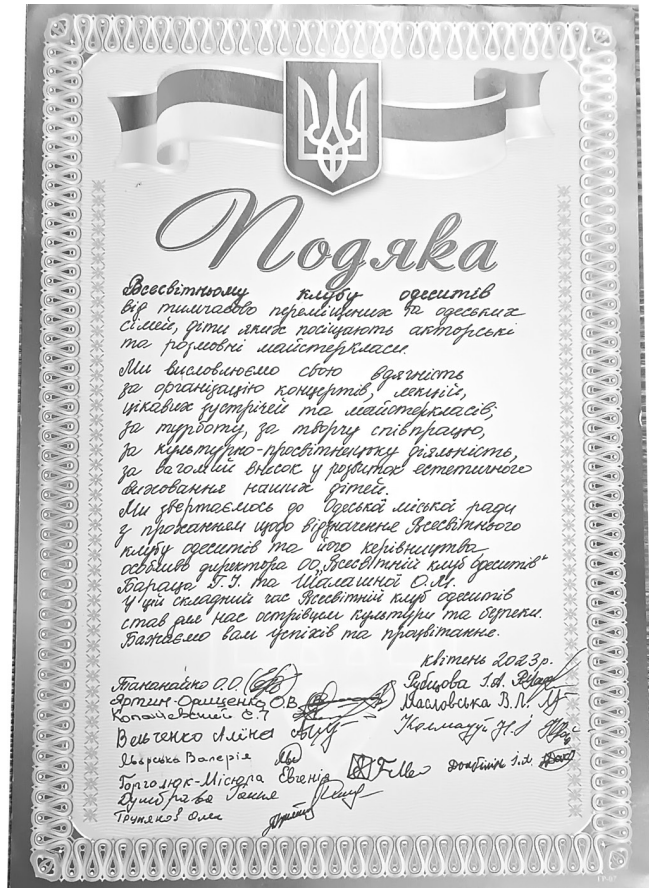
**Наталья Кесари – Председатель филиала
Всемирного клуба одеситов в Индии (г. Дели)**

✉ **Здравствуйте!** Возможно, Вы слышали о существовании Баварского Центра культуры российских немцев в г. Нюрнберг. Название центра подразумевает немецкое население, проживавшее в границах царской России, позже – в рамках СССР. С организацией Баварского центра в Одесской области у нас имеется партнерское соглашение. Я являюсь научным сотрудником этого Центра и исследую различные аспекты истории и культуры немецкого меньшинства.

Одним из проектов, над которым я работаю, является составление библиографического лексикона первых интеллектуалов из крестьянской среды – выходцев из немецких колонистов-поселенцев Причерноморья. Мы заинтересованы в компетентном партнере, так сказать, на месте, который мог бы, к примеру, выявить или же сделать цифровую копию немецкоязычной периодической печати, издававшейся в Одессе.

Если у Вас есть время и желание/возможность сотрудничать с нашим Центром культуры, то сообщите о Вашем решении.

**С наилучшими пожеланиями,
Виктор Кригер.**

✉ **Я виртуальный член клуба одеситов.** Живу в Израиле. Мои одесские рассказы были опубликованы в альманахе № 89.

К кому можно обращаться для пересылки файла со стихотворениями об Одессе (на русском и переводом на украинский язык) для их публикации?

В Украине вышла книга моих стихотворений с переводом Олега Гончаренко на украинский язык.

Буду благодарна за ответ.

Галина Феликсон.

✉ **Вітаю, шановно спільноту Всесвітнього клубу одеситів!**

Мене звети Софія Юрченко і я авторка роману «Білі кролики». Це історичний роман про Одесу, який я вже презентувала в Києві в бібліотеці імені О. Шварцмана (детальніше зараз шукаю спосіб, як представити мою дебютну книгу в Одесі).

Я ретельно працювала над відтворенням побуту того часу і не дозволяла собі викривлювати історичні події задля сюжету. Книга вже отримала схвальні від-

ПО ВОЛНАМ НАШЕЙ ПАМЯТИ

Анатолий ГОРБАТЮК,
член Президентского совета Всемирного клуба одесситов

Михаил Жванецкий: еще не классик...

ОН И Я...

Искать в себе какие-либо качества, которые свойственны людям выдающимся – дело не только неблагодарное, но и чреватое неприятностями разного рода, иногда – с тяжелыми последствиями. В этом легко убедиться, если поинтересоваться в любом мало-мальски уважающем себя так называемом сумасшедшем доме, школь у них в настоящий момент Наполеонов или, на худой конец, Ульяновых-Лениных. Уверю вас, ваш вопрос не окажется праздным и вызывающим недоумение...

Заговорил я на такую несколько странную тему не просто так: мой неожиданно просветливший в последнее время разум не оставляет назойливая мысль об удивительной похожести моей жизни и, представьте себе, деятельности на жизнь и деятельность замечательного человека, назвать имя которого, при всей моей, мягко говоря, раскованности, я пока не в силах. Искренне рассчитываю на вашу, Читатель, сообразительность. Итак...

1. Мы оба родились в Одессе, причем я это сделал через три года после него.

2. Оба евреи.

3. Родители у обоих были с высоким образованием.

4. У обоих отцы ушли рано; матери дожили до глубокой старости.

5. Одновременно, практически, пришли в только-только открывшийся первый в Одессе Городской клуб студентов во второй половине 1950-х гг.

6. Оба работали в Одесском морском порту на инженерных должностях.

7. И он, и я активно участвовали в художественной самодеятельности порта благодаря Портклубу.

8. Оба с интервалом в несколько лет написали критические статьи об устаревших методах организации художественной самодеятельности в Одесском порту, которые были опубликованы в многотиражке «Одесский портвник».

9. Оба активно участвовали в Одесском молодежном эстрадном ансамбле, руководимом Евгением Болотинским.

10. Оба серьезно занялись литературной деятельностью (проза), он – с непередаваемым, исключительным чувством юмора, я – с историческим уклоном.

Не без некоторых усилий заставив себя быть максимально объективным, признаю: лишь в самом конце приведенного перечня похожестей ему все-таки удалось обойти меня. Да, пункт 10 все испортил! Если бы не этот злополучный, непонятно, зачем вообще вылезший пункт, я мог бы даже оказаться в лидерах, потому что в порту работал начальником Ремонтноуправления, а он – только сменным механиком. Теперь же, с учетом пункта 10, он становится всенародно признанным КЛАС-СИКОМ, гордостью Одессы, а я довольствуюсь званием «Почетный работник транспорта Украины».

...Уже несколько лет Его нет с нами, и нам всем его очень не хватает. А когда он был жив, я с невероятной гордостью рассказывал,

Михаил Жванецкий – студент Одесского института инженеров морского флота

что имел честь общаться с Мишей со второй половины 1950-х – целую жизнь!

В 1957 году в Одессе произошло событие, оставшееся почти незамеченным общественностью: «под крылом» отдела культуры горисполкома начал свою деятельность (впервые в истории Одессы) городской клуб студентов. Первым директором клуба был назначен молодой и энергичный Александр Бабкин.

Разместился клуб-новобранец в величественном здании Дома партпроса на Пушкинской, 10, где ему была выделена всего одна, правда, довольно просторная комната с небольшой кладовкой. Последняя оказалась как нельзя кстати: несмотря на малые размеры, в ней помещались музыкальные инструменты созданного большого джазового оркестра и многочисленные театральные декорации начавшего репетиционную и концертную деятельность студенческого театра миниатюр «Парнас-2»...

Автор данного очерка сам не ожидал, что так искусно сумеет привести Читателя к разговору о нашем гениальном земляке, литературном классике Михаиле Михайловиче Жванецком, когда он, Миша, выпускник Одесского института инженеров морского флота (ОИИМФ), в народе – просто Водного института, работал в Одесском морском порту сменным механиком, продолжая заниматься любимым делом. «Любимое дело» юного Жванецкого – понятие, так сказать, «многослойное»: это и пар-

Анатолий Горбатюк и Михаил Жванецкий

ный конферанс с Виктором Ильченко, и самозабвенная игра в Театре миниатюр, и написание реприз для конферанса, и текста юмористических миниатюр для театра...

Мое общение с Мишей началось в конце 1957 года. Александра Бабкина в директорском кресле Клуба сменил Петр Кондрашов. Петя, будучи человеком настойчивым, сумел доказать руководству, что для успешной работы Городского клуба студентов нужно ввести, помимо директора, штатную единицу администратора. Уж и не припомню, по чьей рекомендации, на эту ответственную позицию назначили меня, причем, никого, в т.ч. меня, не смутило то обстоятельство, что я являлся студентом стационара Одесского инженерно-строительного института...

Несколько фраз о названии. Студенческий драматический коллектив – и «Парнас-2». Да и его первый спектакль, премьера которого с большим успехом прошла зимой 1957 года, тоже назывался так же. С чего вдруг?! Да все очень просто – действие спектакля происходит в таинственном научно-исследовательском институте, занимающемся проблемами юмора и сатиры: Проектный АРХИНаучный Ансамбль Сатиры. Как видим, из больших букв складывается слово «Парнас», а чтобы его, не дай Бог, с тем, настоящим, Парнасом не перепутали, честно добавили «2». Первым режиссером коллектива стал истинный театральный человек с большим опытом работы Лазарь Тимофеевич Абелиов, кстати, супруг вели-

кой одесской актрисы Лии Исааковны Буговой...

Присутствуя как-то на репетиции «Парнас-2», я случайно услышал окончание разговора Миши Жванецкого с Вовой Савельевым, будущим известным режиссером. Говорит Миша:

– Я себя хорошим актером не считаю, играю на весьма среднем уровне. А вот написать могу очень даже прилично...

«Какие странные вещи говорит Жванецкий, – подумал я. – Во-первых, играет он прекрасно, участвуя во всех, практически, миниатюрах, а во-вторых, насчет «прилично написать» – так в коллективе есть, кому писать: это и Шура Лозовский, и Витя Ильченко, и еще один выпускник Водного Борис Лобков...». Мне и невдомек было, что все лучшие миниатюры, разыгрываемые «Парнасом-2», именно Жванецким и написаны! Меня сбilo с толку то обстоятельство, что Миша никогда – как автор – не вмешивался «с полезными советами» в работу режиссера, так что и в голову не могло прийти, что в спектакле участвует «живой» автор...

Как выяснилось, всего перечисленного для Жванецкого оказалось недостаточным, и, поступив на работу в Порт, он сразу же становится активным участником самодеятельности Портклуба. Более того, достаточно быстро разобравшись в нюансах работы портовой самодеятельности, он выступил в портовой многотиражке с обширной статьей, в которой

подверг нелицеприятной критике руководство Портового клуба, чем вызвал его (руководства) острое недовольство. Если бы знали эти клубные чиновники, кто обратил внимание на их скромный труд – точно бы возгордились...

И нельзя забывать, что именно Жванецкий был инициатором показа одной из программ «Парнаса-2» самому Аркадию Райкину! Аркадий Исаакович взял на прощание весь свой коллектив, который получил, судя по неумолкающему смеху, огромное удовольствие от выступления самодеятельных артистов, о чем сказал в заключение сам Райкин. Вскоре последовало приглашение Ромы Каца, очень быстро превратившегося в Карцева, потом Вити Ильченко (здесь «передельвать» ничего не нужно было), а через некоторое время Михаил Михайлович Жванецкий занял освободившееся место заведующего литературной частью Театра Аркадия Райкина...

Едва ли Миша ожидал такого резкого поворота на жизненном пути, а потому медленно, но верно делал карьеру среди любителей острого слова на одесской земле. Ни о каких публичных выступлениях не могло быть и речи, а потому нашему будущему классику приходилось довольствоваться подпольными выступлениями на частных квартирах. Наиболее вместительными «концертными залами» становились музыкальные салоны пассажирских судов на линии Одесса–Батуми, где артисты разных жанров выступали «за еду», т.е. за бесплатный проезд на судне с питанием в кают-компа-

Михаил Жванецкий. 1972 г. Фото Михаила Рыбака

нии. Стоит ли говорить, как росла популярность самобытного сатирика с очень острыми фельетонами, когда по всей Одессе из открытых окон звучали магнитофонные записи, записанные самым что ни есть пиратским образом...

А как складывались мои личные отношения с популярнейшим в те годы в Одессе человеком? С необычайной легкостью, не задумываясь, ставлю себе в этом вопросе оценку «отлично»!

С самого начала между нами сложились добрые отношения, основанные на взаимной (говоря с уверенностью) симпатией. При этом я, искренне гордясь такими отношениями с человеком, на глазах становившимся великим, никогда не позволял себе хоть как-то «занять место на диване» возле «дорогого Михал Михалыча»: я не чувствовал в этом необходимости. И очень-очень редко участвовал в «дружеских встречах» со Жванецким в ресторанах, когда таинственным образом составлялись подпольные списки «приглашенных гостей». Кто составлял эти списки, из каких критериев исходил? Знал точно – не Миша, и это меня всегда радовало, как и радовало то, что он всегда бывал на моих юбилеях и обязательно говорил простые, приятные слова.

Самое главное: я легко себя чувствовал в его присутствии, мог даже позволить себе пошутить, что называется, «на грани». Так, заканчивая тост в мою честь в связи с 80-летием, Жванецкий заметил: «И пишишь ты, Горбатючок, прилично», на что я тут же ответил: «Миша, у тебя тоже неплохо получается»...

С легкой грустью вспоминаю далекие 1970-1980 годы. Работавший в Питере (тогда – Ленинграде) дирижером в «балете на льду», Евгений Наумович Болотинский на месяц приезжал летом в Одессу. Мы, друзья-музыканты Наумыча, всегда с радостью встречали его, нашего старшего товарища. Помню, одна из последних встреч состоялась на 10-й станции Большого фонтана, на даче, которую снимал Сима Кандыба «для оздоровления ребенка». Пригласили и находящегося в Одессе Мишу. Была накрыта шикарная «поляна», мы с удовольствием общались, не забывая выпивать и закусывать – все, кроме... Жванецкого! Этот известный любитель вкусно поесть, наскоро бросив что-то в рот, устроился с края стола и, не останавливаясь, «строчил» в блокноте наши расслабленные радостью встречи и спиртные разговоры! В каком-то месте Миша поднял голову и попросил:

– Пацаны, попробуйте разогреть варить чуть медленнее.

Мы-то ведь не знали, что нас просит будущий классик, а потому к просьбе отнеслись весьма несерьезно, более того, кто-то из нас, кажется, Аркадий Астафьев, «Золотая труба Одессы», дожевал кусок почеревка, после чего выступил с контрпредложением, нами всеми одобренным:

– Пацан, попробуй писать чуть быстрее.

Повторяю: никто не знал, что блокнот находится в руках будущего классика.

А осенью на квартире Инги Чаленко (она тогда была литературным секретарем Миши) в очередном подпольном выступлении еще не классик Михаил Жванецкий прочел замечательный рассказ «Так шутят одесские музыканты». Конечно, любой из нас отказался бы тогда от вкусной одесской еды на даче, если бы знал, что сможет, подобно Мише, написать такой рассказ. Только вот где гарантия?..

Фотоматериалы из архива А.И. Горбатюка

Валерий ХАИТ, писатель, сатирик, редактор, журналист

Отодвинуть облако...

– Весело ли в раю?

– Теперь весело...

Как все мудрецы, любящие жизнь и воспевающие ее, Михал Михалыч не мог не думать о смерти. И не писать о ней...

Особенно в последние годы.

Вот, скажем, на мой взгляд, абсолютно гениальное:

«Зачем бояться смерти? Великие все умерли – и ничего!.. Благодаря им и жизнь есть...»

Жванецкий каждое лето приезжал в Одессу и здесь много и с удовольствием писал. Известно, что он ежегодно обновлял программу. И обновлял ее именно тем, что написал дома.

Я ему иногда звонил. Чтобы не мешать, не часто. Но всегда при этом спрашивал:

– Надеюсь, оторвал?!

Ему нравилось...

Перед возвращением в Москву он обязательно читал новое во Всемирном клубе одесситов. Проверял...

Как литератор, Михаил Жванецкий всю жизнь рос и менялся. Впрочем «рос» – это не совсем так: он всегда, с первых написанных им строк был очень высоко. Менялся – да.

Сперва, блестящий афористичный юмор, уникальное умение органично совмещать его с лирикой, феноменальное мастерство рисовать портреты прямой речью, непревзойденный талант петь жизнь со всеми ее радостями и печалью, воспевать любовь, под стать большим поэтам...

Постепенно все поняли и почувствовали, что Михаил Жванецкий не просто автор-исполнитель, а большой писатель и философ – создатель нового синтетического жанра.

Его речь ушла в народ. Как у Пушкина, Чехова, Зощенко. И останется в нем навсегда.

Вот одна из фраз Жванецкого последних лет:

– Мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один.

До чего же остроумно и одновременно печально, согласитесь!

Михаил Жванецкий и Валерий Хаит

Помнится, в марте 2019 года, когда ММЖ исполнилось 85 лет, я написал:

«Мне в жизни точно повезло: меня много лет дарит дружбой Михал Михалыч Жванецкий. В последние годы я стал ему каждый раз говорить: «Дорогой Миша, годы пусть идут, а ты не торопись!» Даже надеел ему с этой фразой!

Но потом понял, что она бессмысленна. Поскольку Михал Михалыч по своей сути не спринтер, а стайер. То есть, бежит на длинные дистанции. Участвовать в одном забеге с ним в качестве отстающего – огромное удовольствие. И удача!

Потому что когда ты бежишь за лидером, видишь, как он впереди маячит, то всегда уверен, что бежишь правильно!

Впрочем, Михалыч – стайер особенный. Да, он всегда бежит первым, но, что удивительно, финишная лента от него все отдаляется и отдаляется...

И вот случилось то, чего никто не ожидал: далеко опередивший всех, Михал Михалыч Жванецкий завершил свой триумфальный бег и разорвал финишную ленту.

Длинная дистанция его жизни закончилась.

И теперь победитель – Жванецкий, привычным триумфальным жестом воздев над собой скатый кулак, стоит на высшей ступеньке пьедестала.

Стоит. И рядом – никого!

Если Михал Михалыч кому-то и служил, то только своему таланту.

И талант ему за это платил сторицей.

Это именно талант за него писал, говорил, выступал на сцене, прославлял жизнь, дерзил сильным мира сего, радовал публику, покорял женщин, множил друзей, сеял добрые чувства. И когда автору закрывали рот, его талант тоже не замолкал ни на минуту. Он продолжал свое благородное и бесстрашное дело.

И при этом год за годом, том за томом и концерт за концертом пел веселый гимн человеку, помогая ему хоть как-то мириться с несовершенством мира.

В последние годы Михаил Жванецкий, оставаясь невероятно актуальным, заговорил и о вечном.

А с кем говорят о вечном, я думаю, вы догадываетесь.

«Отодвинули облако и спросили:

– Ты ее любишь?

– Да...»

Не знаю, как для вас, а для меня в этом «Отодвинули облако и спросили...» – вся гениальность автора.

Я бы и книгу воспоминаний о Жванецком предпочел назвать: «Отодвинуть облако...»

Будем помнить. Не забывая...

В этой книге есть страницы, над которым хохочешь в голос, и страницы, над которыми плачешь. Все как в жизни. Горе и радость сплетаются в тугой клубок, и ты держишь этот клубок в руках, бережно, как ребенка, беспомощный от нахлынувших чувств.

Об авторе, Александре Закерничном, я узнала, когда он уже погиб. Книги на тот момент не было. Было желание Александра ее издать. И его родные сделали все, чтобы это желание исполнилось. Вокруг них, а, вернее, вокруг Александра, собралось огромное количество людей. На презентации – мне посчастливилось занять место, другие толпились у стенки, в открытых дверях, в фойе, на входе, и зал был немаленький, – я жадно ловила выражения лиц. Невежливо, знаю, но там, в переполненном зале, с людьми происходило что-то очень важное. И мне хотелось понять.

Герой книги не идентичен автору. И, хотя «Записки добровольца» – это по сути дневниковые записи, и фантазия автора направлена скорее на «заметить», а не «придумать», Александр все-таки выбирал, что именно показывать читателю. И дневниковые заметки, которые могли бы стать хаотичными зарисовками, приобретают направленность и настроение, цель и выводы, их персонажи меняются и раскрываются, как и сам главный герой.

Судя по рассказам друзей, которые охотно делились воспоминаниями об Александре, он – разносторонне талантливый человек. Не люблю говорить «был» в таких случаях, потому что верю, что смерти, как забвения, не существует. Особенно для тех, кто успел столько сделать. Санитар и фотограф, массажист и журналист, инженер по технике безопасности и начальник коммерческого отдела. Эльбрус и катакомбы, парашюты и акваланги, «Казачий спас» и астрология, картины и хождение по горящим углям... И это еще далеко не полный список. Искренне интересующийся всем, что попадает в поле зрения – из естественного человеческого желания познать; достаточно смелый, чтобы выбирать свой непростой путь,

«Записки добровольца. Александр Закерничный»

Очень честная была презентация этой книги во Всемирном клубе одесситов. Книги о войне, о людях в ней, о том, что сейчас происходит со всеми нами. Грустно, но, в то же время, было очень тепло и, как ни странно, легко. Наверное, это честность все расставила по местам.

сверять каждый выбор с внутренним компасом, чтобы рисковать жизнью; человек, играющий в любых ситуациях, будто и нет в жизни ничего серьезней его шуток. Чувствующий. Нравящийся. Щедрый. Интеллигентный и Утонченный. Даже свойственные армии речевые конструкции, которыми пестрит книга, не способны этого скрыть. Образ супергероя, да.

Как я уже сказала, «Записки добровольца» – дневниковые заметки. И начинаются они с войной. Вместе с героем мы переживаем первый шок от того, что война – реальность. И наблюдаем, как она становится ежедневным делом. Сборы, жизнь в казарме. Учения. Привычное и удобное теряет свою значимость. Так, привычка читать электронную книгу ломается, как и сама книга. А когда выясняется, что книга чудесным образом снова работает, читать уже не хочется. «Дживс и Вустер» – это слишком далеко от армейской действительности. От действительности вообще. А что ближе? Природа, животные, люди. Все настоящее, такое как есть, выпавшее из рамок комфортного мира, и потому немного дикое и особенно красивое. Холодная степь с ее звездами. Животные, которые жмутся поближе к человеку – в тепло казармы, и надо же с ними теперь как-то сосуществовать, даже с пчелами.

Бойцы-добровольцы, жители ближайших сел, волонтеры, начальство – Александр так рассказывает о каждом, что кажется: мы знаем этих людей, где-то видели, случайно встречались. В этой части удивительно много юмора. Не совсем «Дживс и Вустер»... Лучше! Юмор, который вызывает не проницательную улыбку, а искренний смех. Как может быть такое под но-

нас такого не было. Вроде бы такая была установка. Нет?».

И даже столкнувшись со всем этим, Александр не перестает шутить. По-другому, о другом. Но он по-прежнему любит жизнь больше, чем ненавидит войну.

Героем быть неудобно. Тем более, умным. От него слишком много хотят и ждут. В первую очередь – он сам от себя. А между тем, живой человек. Так же, как все, может расстроиться, быть слабым, умереть досрочно. И не как все – каждый раз находить повод идти дальше. Просто встать и идти. В случае с Александром это не только смелость спуститься в крошечный ад, чтобы физически сдержать врага. Это способность в аду обустроиться, завести друзей, приручить животных, найти повод любить и шутить. Это пример несокрушимого оптимизма в сложнейших ситуациях.

Вдумайтесь, это очень важно – человек погиб, чтобы мы узнали о нем и с предельной ясностью увидели, как прекрасна жизнь. И сколько можем сделать, оставаясь в живых.

Война ради войны? Нет. Жизнь ради любви.

Анна МИХАЛЕВСКАЯ

ПАМЯТЬ

В останній день літа 2023-го раптово пішов у вічність музикант, співак, бард, щирий одесит, практично – народний артист Одеси Олексій Семенищев. Надійний друг і член Всесвітнього клубу одеситів, він був незамінною, рідною людиною. З початком війни виступи Олексія, який і так мав широку популярність, набули особливої значення. Він співав на концертних майданчиках та на площах. У холодні дні березня 22-го разом із другом, музикантом Валерієм Чернісом вони виступали на Рішельєвській, де тлом були протитанкові їжаки та мішки з піском, що закривали Одеський оперний. І його пісні, його музика допомагали долати розгубленість, страх, вселяли надію.

Невиправна втрата для Одеси, для всіх нас...

Вічна пам'ять світлій людині Олексію Семенищеву, який пророко стверджував: «Мое безсмертя – любов...».

Книга, подаренная Алёшей, открылась ночью на 45-ой странице, как в первый раз. Рассказ «Ангел». Не рассказ, – откровение – выдох ночного ветра, принёсшего запах штормящего моря и свежесть далёкого дождя, обещанного, но так и не случившегося.

В книге десять историй.

Каждая программа Алёши, сольная и в составе клезмер-бенда «Мамины дети», в соавторстве с поэтами и музыкантами, художниками и актёрами – живая история. Не берусь сосчитать его авторские программы, каждая становилась откровением и слушалась как в первый раз.

Он с радостью откликался на мои приглашения:

–Алёша, Diligans в пятницу, при-

дешь? Споешь? Прочтешь?

– Приду. Спою. Прочту.

Счастье, что знала его. Что и мои встречи с читателями были наполнены звучанием его гитары, чтением стихов и прозы, освещены и освящены его голосом.

Без репетиций – наживо.

Без черновиков – набело, так тонко чувствовал он тональность, настроение и ткань стихотворений, строк и междустрочий, чувствовал недосказанное. Невысказанное.

... – Такая цельная программа, такое созвучие... Долго, наверное, подбирали, и репетировали?

– Долго. Пять рабочих минут перед началом...

О чём бы ни пел Алёша, что бы ни читал – всё о любви.

И никогда о себе.

Не захотел идти в осень, остался в лете. В одесском жарком лете, где море и солнце. Остался в Одессе, в которой родился и вырос, которую любил, о которой пел и говорил, которой дышал.

После известия о смерти Алёши перехватило дыхание, не сделать полный вдох – ни сил, ни воздуха, ни света.

Известие о смерти Алёши – удар в солнечное сплетение, в сердце Города.

Лето не кончается в августе, писала когда-то... Календари врут, и жизнь не кончается, пока помнят человека. Не кончается. Обрывается, не выдержав напряжения и тяжести.

Остаётся голос. Музыка. Слово. Остаётся память.

Людмила ШАРГА,
поэт, писатель

ПРОЕКТИ КЛУБУ

Віват, Академія! Академія Джазу!!!

Перше засідання Джаз-клубу ВКО 28 січня нового року мало нові ознаки: по-перше, назва клубу одержала ім'я легендарного джазового Майстра Одеси – Миколи Голощапова. Точніше, це почесне ім'я у назві клубу було затверджено ще наприкінці грудня минулого року після активного періода систематичних джазових зустрічей, джем-сейшнів, виступів досвідчених імпровізаторів і дебютантів. Тому початок нового творчого року Джаз-клубу імені М.Голощапова для музикантів став етапом особливої гордості і відповідальності.

Минулий творчий рік Джаз-клубу дійсно був дуже насиченим: 22 засідання, які об'єднали різні заходи. Поперше, концерти за участю художнього керівника Олексія Петухова у сольних виступах і зі студентами в викладачів фахового коледжу і музичної академії різних кафедр (фортепіано, духових і струнних інструментів), які виконували і класичні твори, джазові композиції, авторські п'єси. Кожне засідання завершувалися джем-сейшнами, де кожний імпровізував (хто-то вперше, хто-то більш досвідчений) і набував джазового досвіду гри у ансамблі і соло без підготовки – «тут і зараз».

Важливою складовою активної роботи Джаз-клубу минулого року стали програми «Джаз для дітей і дорослих» – проект для дітей і їх сімей, які під час війни опинились в Одесі як переселенці. Виконавцями стали талановиті учні Мистецьких шкіл №1, №2, №3, №4, №15.

Головним великим проектом 2023 став справжній фестиваль «Джаз – музика Перемоги!» до святкування Міжнародного дня джазу де брали участь більше 200 виконавців від 8-ми до 80+ років. Майже місяць тривали 12 концертів на 7-ми локаціях за участю юних і досвідчених джазових музикантів, військових оркестрів, професорів і студентів музичної академії. Вперше Гала-концерт проходив у великому залі Одеської національної музичної академії ім.А.В.Нежданової більше двох годин з академічними і імпровізаційними творами – джазова меса для хору, фрагменти джазової сюїти для флейти з тріо, джазового концерту для фортепіано, блюзові імпровізації у стилі бугі-вугі на акордеоні і джазового квартету на чолі з Олексієм Петуховим. Кульмінацією свята джазу став джем-сейшн членів Джаз-клубу і за участю 4-х кратної чемпіонки миру по ступу Анастасії Павлішиної з бурхливими оплесками повного залу слухачів і криками «браво!» стоючи.

У програмі фестивалю скраво пройшов концерт «Діти грають і співають джаз» у Мистецькій школі №1 ім.Е.Гіллельса за участю юних виконавців, які виступали у проекті «Джаз для дітей і дорослих».

У Євангельській церкві на Пастера, 62 імпровізації звучали на великому органі на теми Джорджа Гершвіна (до 125-ти річчя з дня народження). Практично, в усіх заходах фестивалю «Джаз – музика Перемоги!» звучали відомі мелодії Джорджа Гершвіна, підкреслюючи їх художню цінність до сьогодення.

Після завершення квітневого свята джазу керівники проекту і художніх колективів одержали Листи Подяки з Офісу ЮНЕСКО у Парижі за підписом Посла Доброї Волі Маестро Хербі Хенкока, у тому числі – Олена Шевченко і Олексій Петухов.

слухачів на підтримку ЗСУ, можливість придбати необхідні ліки і засоби спеціальної допомоги.

Художній керівник Джаз-клубу ВКО – видатний джазовий Маестро Олексій Петухов підкреслює: «Ми, звичайно, робимо все, щоб цей клуб жив та розвивався. Щоб музика звучала, перекриваючи собою страх повітряних тривог і хоч трохи послаблюючи гіркоту втрат. Хай звучить Джаз! Будемо жити!»

Прекрасною музичних програм минулого року стало продовженням виступів у Джаз-клубі чемпіонки миру по ступу Анастасії Павлішиної. Її неймовірні імпровізації ногами завжди дивували і партнерів-музикантів, і слухачів. Усі дуже раділи, коли Настя стала членом Всесвітнього клубу юних одеситів.

Петухова не тільки у Джаз-клубі, але і на концертах у філармонії. Виступали також і її талановиті студентки фахового коледжу.

Досвідні слухачі широкі вітали і ансамбль Вадима Бесараба – професійних виконавців Українського музично-драматичного театру ім.В.Васильєва.

Особливості творчого року клубу високо оцінили досвідчені джазові ветерани – член Правління першого Одеського джаз-клубу і Ради Джазової федерації, член ВКО Фелікс Кохріхт і член Президентського Совета ВКО, автор книг про історію Одеси і Одеського джазу, діючий джазовий барабанщик Анатолій Горбатюк.

По-друге, 28 січня художній керівник Олексій Петухов презентував нову програму у нових обставинах: вітальню ВКО прикрасила картина під назвою «Ураган джазу», що загостило почуття і виконавців – підвищення імпровізаційного нахалу звучання їхніх програм, і слухачів – сприйняття творчих джазових проектів «тут і зараз» у новій творчій атмосфері. (Зрозуміло, що треба картину побачити, особливо у момент звучання імпровізацій, щоб мати уявлення про атмосферу у залі.)

В-третє, на початку зустрічі Олексій Петухов презентував новий проект Джаз-клубу ім.М.Голощапова – відкриття «Джазової академії», яка запрошує всіх, хто хоче поширити свої знання у галузі історії джазу, легендарних виконавців, найвідоміших мелодій, які одержали назву «джазові стандарти», виникнення джазових стилів, особливості їх виконання, виконавські риси сучасних майстрів, подробиці історії і сучасності одеського джазу і багато іншого.

Джазова академія Джаз-клубу ім.М.Голощапова почала освітні проекти 7 січня знайомством з витоками джазу, історичними раритетними документами, відео і аудіо записами спірічуелс і робочими піснями, регтайму і блюзу, їх формування у ХІХ-му і подальший розвиток у ХХ столітті у виконанні носіїв цих традицій. Ми подивилися фрагменти кінофільмів і мультфільмів, де тема історії джазу була оригінально показана. Більш ніж півтори години (планувалось не більше 70-75 хвилин) були питання і відповіді, деякі цікаві подробиці історії не тільки джазу, а також Америки і південних штатів, Нового Орлеану у музичних прикладах(!).

Перші кроки історії мистецтва джазової імпровізації підтримали також гості – дебютанти імпровізації мистецтва слова і танцю! Вірш «Про джаз» прочитала Саша Швед, переселенка з Херсону вже полюбила Одесу і занурилась у особливе почуття джазових ритмів слова.

Завершенням творчої зустрічі у Джазовій академії став дебют групи степ-денсу під керівництвом танцюючого тренера – професора Олексія Гілко. Бурхливі оплески, посмішки, сяючі глаза танцюристів і «учнів» Джазової академії у гарній атмосфері підвищених емоцій, зацікавленості, радощів і вдячності за те, що імпровізували усі!

Наші наступні зустрічі у Джазовій академії будуть проходити у першу середу кожного місяця.

Джазова академія презентує також «Лекції за роялем» Олексія Петухова – практичні поради для тих, хто хоче більше знати про таємниці виконання джазової музики, імпровізації, побудови твору прямо за роялем і не тільки(!).

Майте на увазі, що Джаз – музика, що підкорила весь світ у ХХ столітті і продовжує наповнювати серця почуттям свободи та особливою енергією і в ХХІ столітті. Джаз об'єднує людей, допомагає зрозуміти один одного, уміти слухати і чути партнера і створювати разом зі слухачем музичну картину світу.

Давайте робити це разом! Слідкуйте за анонсами на наших сторінках.

До зустрічі у Джаз-клубі ім.М.Голощапова.

Олена ШЕВЧЕНКО,
автор і ведуча лекцій Джазової академії,
директор Джаз-клубу ім.М.Голощапова

ОЛЕКСАНДР ХІНТ

Голіаф по розпеченій лаві йшов назустріч Давиду

Він бачив попереду тільки плями нерівної форми

лише плями та виблиски, крапельки, що виглядали так дивно мов сонячні знаки у калейдоскопі, сріблясті коми

коливання у точці, хвилясті шматочки гончарної глини

І збоку один, наближаючись, ближче і ближче, розкуто

наспівував щось несподіване «Слава... дзінь-дзінь... Україні»

То було останнє, що Голіафу вдалося почути
28.02.2022

АННА МИХАЛЕВСКАЯ

МНЕ ГОВОРЯТ

Мне говорят:

— Куда мы катимся!

Я говорю:

— Зато какая скорость.

Мне говорят:

— Как тебе не стыдно жить, когда другие умирают.

Я говорю:

— Мне стыдно умирать, когда другие, которым гораздо хуже, живут.

Мне говорят:

— Ты не имеешь право на любовь.

Я говорю:

— Любовь, к счастью, об этом не знает.

Мне говорят:

— Найди врага и ненавидь его.

Я говорю:

— Я бы с радостью, но все время что-то мешает.

Мне говорят:

— Не надо о мире, когда кругом война.

Я говорю:

— Война, кругом марш! А мир, пожалуйста, останьтесь.

Мне говорят:

— Посмотри, наконец, правде в глаза.

Я говорю:

— Смотрю: там весна.

Мне говорят:

— Мы все умрем.

Я говорю:

— Вот и встретимся. Вот и продолжим беседу.

АННА МАЛИЦЬКА

«КОМЕНДАНТСЬКА ГОДИНА»

Тиша колись була затишна, нині ж — лячна.

Хочеться шумовиння дороги з відкритих вікон І бодай меншого звуку (тільки б не плачу).

І посмугованих відблисків фар на повіках.

Бо це — колискова вулиць, дихання міста,

Доказ того, що ніхто не зникне вночі нікуди

І ночі нема взагалі, бо вогнів намісто

Спростовує темряву.

Можливо, і ту, що — в людах.

Коли календар розпадається під хрестами, Якими рахують війну, ніч стає, як видих, І посеред неї, в своєму ліжку, ти до нестями Вслухаєшся в довгу пустку й фантомний вибух.

...Ми призвичаїлись — майже до стану «забути» — До напівмертвого міста в ліхтарній міді. Страшніше буде не спромогтись заснути, Поки під вікнами мирні машини ідуть.

07.04.2022

НАИЛЬ МУРАТОВ

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ

Я плыл на лодке, ветер дул мне в спину.

Девятый вал, как снежная лавина,

Из мрака мчался.

Бури глаз сиял

В кольце из туч, и

был девятый вал

Еще не близок, но

и не далек.

Воды спокойной

малый островок

Вокруг меня

казался слишком

мирным —

Как поле, именуемое

минным.

Но где та лодка? И

была ль пучина,

И был ли вал, в котором

все мы сгинем,

Отправившись до срока на покой,

Как щепки, унесенные водой?

Иносказанье, мысленный мираж,

Газеты арестованный тираж

И чувства уничтоженного ноша,

И гость, который был тобой не прошен, —

Все это мелочи в масштабе бытия,

Такие же как ты или как я.

Ответь мне, Брут, заточен ли клинок

Под грязную работу? Одинок

Ты в этой жизни, парень, и слюда

На крыльях порастрескалась — ни дать

Ни взять короста на прозрачной коже.

Он вас любил, любовь уже, быть может,

В душе его погасла насовсем,

Что, дай-то Бог, относится не к тем,

Кто видел суть, невидимую многим,

Кто был поэт и в то же время логик

И кто ченцом смиренным ожидал,

Что все вокруг сметет девятый вал

Или десятый, если верить грекам.

Ночь, улица, фонарь, канал, аптека —

Снесется все гигантскою волной,

Которая утащит за собой

И ненависть и страстное томленье.

Легко в бою, но тяжело в ученье,

Не так ли, Цезарь? Твой центурион

Напьется в стельку, потому что он

Привык к победам, а девятый вал

Непобедим. И Цезарь это знал,

Но знание унес с собой в могилу.

Центуриону все теперь не мило:

Он видит близкий идеальный шторм

И знает точно, кто придет потом,

Когда все кончится, на мокрые руины —

Наполовину бог, наполовину

Обычный смертный. Марс и Альтаир

Возлюбят этот обновленный мир...

ХЕЛЕНА АНДРЕЙЧИКОВА

Одного разу ми сидітиме поруч. Посправжньому.

Оффлайн. Ніяких клятих

дзвінків і навіть відео-вітань. Від них вже нудить,

як в дитинстві від вареної цибулі.

Зачекаю. Нудить, але зачекаю. Бо страшно,

не коли чекаєш, а коли немає чого чекати

(якби я знала у дитинстві, що Ремарк це не

про минуле, а про майбутнє).

Ми сядимо поруч.

Чого ти тягнеш? Будь ласка, ближче. Ближче.

Ближче. Дай руку. Тепла. Ніжна. Коли я вперше

тебе побачила, я весь час розглядала твої руки.

Одразу зрозуміла, що я хочу їм довірятися, і не на

один день.

Я буду її міцно тримати. Сильна рука. Але тендітна. І

головне — реальна.

А моя рука потоне в твоїй геть.

Ми будемо мовчати. Так, так, як Іра і Кузьма.

Мовчати, іноді дивитися один на одного. Іноді посміхатися. Хай за нас говорить море. Біля якого

моря хочеш сидіти ти?

Я, звичайно, біля Чорного. Люто з лютого гадаю, де ж моя домівка. Чортзна. Зараз чортзна.

Хай будуть ці солоні хвилі моїм домом, одного разу я повернуся туди.

Але я згодна на будь-яке море зараз. Біле, жовте, червоне чи море твоїх мрій. Сидіти поряд із тобою і просто чути твій подих. Тихий, тихіше за вітер. Всі слова зайві, коли можна отак сидіти біля тебе. Бути біля твого життя. Не поспішати. Не метушитися. Не чекати тебе мільйони секунд. Як завжди кохати тебе.

Але.
Оффлайн.

АНАСТАСИЯ ЯКОВЛЕВА-

ПОМОГАЕВА

СИНКВЕЙНЫ

Молочник
Горластый, смелый
Увлеченный, крикнет,
явившийся
Во время воздушной
тревоги
Работа

Мобильные
Новые, старые
Собрались зарядить
зачастившие
Ко мне ежечасно соседи

Дан свет

Герои

Бессмертные, книжные
Скучают, застывшие, растерялись
На фоне последних событий
Бедняги

Воспоминания

Ржавые, острые
Застряли, впившиеся, жалят
В темноте глубокими занозами
Спокойная ночь

Телевизор

Тихо, утробно
Рычит. Отчаялись, плачут
Кармелла с несчастной Розитой
Соседский уют

Джаз

Перламутровый, легкий
Играет. Успеет попасть
В синкопу уличное трио
Внезапно сирена

Воробей

Деловитый, встревоженный
Рискует замерзнуть, купаясь
В недавно подтаевшей луже
Все же весна.

ЕВГЕНИЙ ДЕМЕНОК

ЕВГЕНИЙ О НЕГЕ. МЫСЛЕФОРМЫ.

Один из важных принципов душевного здоровья — не воспринимать проблемы всего человечества как свои собственные.

Представьте себе, что вокруг вас стоят несколько сотен людей и громко говорят, рассказывают вам о том, что чаще всего интересно только им. Ужас, правда? Но ведь то же самое происходит с нами, когда мы листаем ленты соцсетей.

«Мир ловил меня, но не поймал»? Да просто потому, что во времена Сковороды было легче спрятаешься от людей.

Всё, что нас окружает, непрестанно пытается отвлечь нас от главного — от самих себя.

Ненависть часто возникает от бессилия, сочувствие же всегда деятельно.

В каждый конкретный момент времени текущие проблемы кажутся нам самыми серьезными. Спустя время редко о каких из них вспоминаешь без улыбки.

Раньше нравы были крупными и хорошо заметными, нынче же они так измельчали, что с тру-

У «ЗЕЛЕННОЙ ЛАМПЫ»

дом обнаруживают себя даже при помощи микроскопа.

В каждой шутке есть доля шутки. Быть непонятой большинством – такова доля этой доли.

Даже самая совершенная вещь для полноты совершенства должна иметь небольшой недостаток.

Троянский конь пришёл на смену крестьянской лошадке.

Первый закон Вселенной: Вселенная гибко меняется вслед за изменением наших представлений о ней.

Все мы – нервные клетки Создателя. А нервные клетки, как известно, не восстанавливаются.

Человек эпохи Возрождения или возрождение эпохи человека?

В театре нашей жизни важное место занимают декорации. Потому жить в провинции, у моря хорошо не только тогда, когда выпало в империи родиться.

Так как результат жизни заранее нам не известен, правильным будет сосредоточиться на процессе.

Эмоции конечны, разум постоянен.

Как приятно с полнейшим оптимизмом и отличным настроением ничего не хотеть!

Отрадно сознавать, что за любой тучей всегда скрывается солнце.

ЛЮДМИЛА ШАРГА

ИГРА В КЛАССИКОВ

Грань между жизнью и смертью предельно тонка,

не уловить, не почувствовать ток перехода,

что-то меняется здесь, или там – в облаках,

что-то меняется – люди, деревья, погода,

что-то меняется, кто бы и как ни назвал преобразование пленницы, загнанной в угол,

сколько ни вписывай жизнь хоть в квадрат, хоть в овал,

только бежишь неизменно по кругу. По кругу. Будь ты поэтом, подсевшим на горький абсент,

будь ты мамашей Кураж – пробивной марки-танткой,

девочкой Сашей, идущей по кромке шоссе, (неиссякаемы Сашины «сушки» и танки).

Мне бы бездомною кошкой по мокрым дворам, по раскалённым от зноя июльского крышам, строчкою классика в классики: жизнь – игра, кто-то играет, а кто-то закончил и вышел в стальные сумерки, в дождь, в листопад, в снегопад

и в междустрочия – смазанной тенью кошачьей...

Кто-то заметит и даже, возможно, заплачет, вслед посылая сорвавшийся выдох и взгляд.

Я по привычке ещё постою у окна, перед свободным падением в тёмные воды, не ощущая ни времени, ни перехода, классики кончились.

Точка. Пробел. Тишина.

МАЙЯ ДИМЕРЛИ

мой отец давно небесный

был при жизни офицером

и из пушки совершенной

он палил по воробьям

был он в целом безупречен

и не менее опасен

он носил медаль «Нирвань»

за победу над собой

в центре тупья на фуражке

желтою сиял кокардой и казалось будто это у него звезда во лбу но у папы как у шивы было на душе паршиво потому что очень грустно в жизни только разрушать мама-шакти, мама-дурга папу страшно ревновала – он летал к прекрасным перьям на сафьяновых санях и под утро возвращался в перепачканном камзоле без усов, без партбилета честь мундира уронив и тогда они плясали вместе с мамой экстаично страстно и самозабвенно танец с саблями в руках но у папы как у шивы поутру дрожали руки – все четыре бесполезны всё валилось из них мама это понимала и восставши на пуанты на его сердечной чакре исполняла фуэте кстати дети и солдаты обожали маму с папой за конфеты и патроны за харизму и талант... это было время мира это было бремя жизни это было это было это будет без конца у избитой песни этой нет ни смысла ни морали только светлый путь к нирване только радость впереди

01.01.2022 г.

ЖАННА ЖАРОВА

ОТЦУ

Я становлюсь похожей на отца.

Всё резче с каждым днём

Ожившие черты его лица –

Здесь, в зеркале моём.

Его волос густая седина,

Разрез «татарский» глаз.

И лишь их синий цвет – синее льна! –

Не стал моим сейчас...

Его судьба опалена войной.

На теле – пули след.

Накрыло и меня – иной волной

Сейчас – на склоне лет.

Вот две войны. Не может голова

Вместить их и сравнить!

Отец!.. Не знаю, где найти слова.

И строчки рвётся нить.

ЮЛІЯ ЦИМБАЛ

Готуємось до кращо-

го, готуємось допоки

Летять по небу чорні з червоним наші роки.

Та знову б'ють ракети, ховаючись за хмари,

Та їздять по планеті поїзди-примари.

Тримається надія, зникає ворожнеча,

А хмари пролітають, несуть журбу далече.

Осінній колір жовтий, то спокій та надія,

Найкращі наші роки, найліпші наші мрії.

Тримайся, Україно, пишаємось тобою, Струнка, непереможна, з великою душею.

Життя таке коротке, зіграти б свої ролі

Та щоб не заважали погані, злобні тролі.
У темряві густій ми світлим,
Як вогні –
Для когось погребальні,
А для когось рятівні.

ОЛЬГА ЛЕСОВИКОВА
СОНАСТРОЙКА С МИРОМ

Закрой глаза,
Почувствуй каждой
клеткой
Ты – Небо,
Ты – бутон цветущей
ветки,
Ты часть и целое,
В тебе замок и ключ,
Пройди портал
сердечный –
Солнца луч,
Как мост соединит
края миров
Прислушайся к себе
Услышь свой Зов!

Открой глаза
Живи!
Люби!
Сияй!
Ты Есмь Творец, пространство созидай
Миры Любви,
Миры Добра и Света
Ведь у тебя

есть Всё для этого!

ПЕСНЬ РА

гоРа
Стремится вслед за облаками
жаРа
долину жжёт огня лучами
ветРа
развеют заблуждений стяги
поРа
шумит река в душе бродяги
коРа
грубеет, древо копит кольца
добРа
природа утреннего солнца
пестРа
на небе радуги кольчуга
шустРа
стрела летящая по кругу
щедРа
любви всевышней бесконечность
мудРа
на длань возложенная вечность.

АННА СТРЕМИНСКАЯ

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Только ляжешь, за-
кроешь глаза –

что-то движется и молчит.

Это рыба светлый сазан

на тебя наплывает в ночи.

Ни к чему нам общест-
во дур,

нам дурак ни к чему
визави.

Только б рыба белый
амур

нам молчала всю
ночь о любви.

Сновиденья миг неповторим:
бья хвостом в полуночный час,

рыба ловкая белый налим
наплывает неспешно на нас.

Или яблоко белый налив
с ветки в руку тебе упадет...

Или схваченный льдом залив,
дом, где встретишь свой Новый Год.

Только птица серый шахед
зорким оком следит за тобой.

Будь ты молод иль будь ты сед –
кинет резко вызов на бой.

Только птица черный шахед,
прикрываясь шелком ночным,

принесет тебе сотню бед :
был твой дом – останется дым.

Разрывая пространство сна,
жизни ткань сжирая огнем,

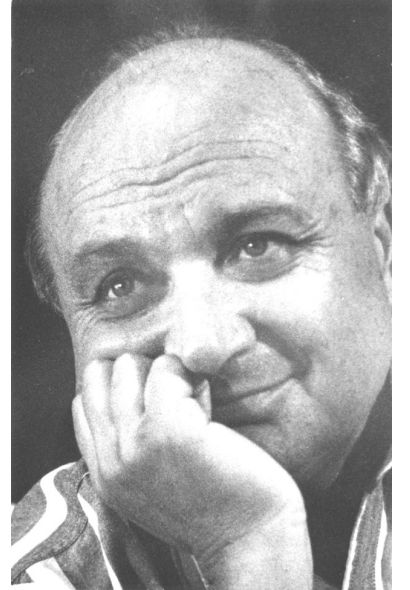
юн иль сед – унесет она,
зажимая в клюве своем.

Отражаясь в ярких шарах,
стонет мир большой и большой.

и кружится, упрятой страх,
этот елочный шар земной.

Михаил Жванецкий Я одаренный житель юга Одессы

«Я пишу верлибром, свободными стихами, с особым поэтическим слогом и мелодикой слова.»

НЕ ТОРОПИТЬСЯ

А если просто и твердо сказать себе:

– Заткнись!

На ожидание неприятностей, на сами неприятности и на их предчувствие уходит масса времени, и в результате – вся жизнь.

Но не это главное.

А главное то, что эти неприятности происходят регулярно и точно в назначенное тобой время. Как раз, чтоб ждать следующих.

Это первое.

Второе: немного стоят попытки предвидеть самое худшее. Здесь вообще не надо много ума.

В этой стране быть пророком несложно. Чуть воображения, легкое расстройство желудка – и можете ждать назначенного самим собой срока. То, что вы кличете, придет обязательно. А с вашим умением предвидеть радость и вызывать счастье вся жизнь будет состоять из ожидания бед и приступов уважения к себе – я все это предвидел.

Да! Ты это все предвидел. Ты предвидел свою старость, ты даже предвидел свою смерть, ахнув от собственной мудрости и перестав смеяться за много лет до этого. И полжизни третировал близких, полжизни отравлял окружающую среду. Вместо того, чтоб как-нибудь однажды просто и твердо сказать себе:

– Заткнись! Все будет хорошо!!!

Никогда не преувеличивайте глупость врагов и верность друзей.

Цитаты из его многочисленных монологов, миниатюр, пьес и книг так прочно вошли в нашу жизнь, что, кажется, будто бы они были всегда. Выдающийся писатель Михаил Жванецкий! В год его 90-летия вспомним биографию легендарного сатирика.

6 марта 1934 года в одесской семье врачей Мане Моисеевича и Раисы Яковлевны Жванецких родился сын Миша. В годы Второй мировой войны отца призвали на фронт, где он служил хирургом в госпитале, за что был награжден орденом Красной Звезды. А мама с сыном в те годы находились в эвакуации в Средней Азии. После войны семья воссоединилась в Одессе, чтобы больше никогда надолго не расставаться. Миша окончил 118-ю среднюю школу для мальчиков. Его юношеские годы прошли на Старопортофранковской, во дворике, диалоги обитателей которого вскоре войдут в золотой фонд мировой сатиры.

В 1951 году Михаил поступил в Одесский институт инженеров морского флота и успешно там учился. Но гораздо больше его привлекала не учеба, а институтская художественная самодельность. Событием городского масштаба стали представления Одесского театра миниатюр «Парнас-2». Тексты для выступлений писал юный Миша Жванецкий, а его партнерами по сцене были юные Роман Карцев и Виктор Ильченко. К слову, вместе с Ильченко они работали в Одесском порту после окончания института: Михаил был механиком по кранам, а Виктор – механиком по автопогрузчикам.

«Погрузка-выгрузка, разбеды на автопогрузчике, сидения в парходе, в трюме, в угле, когда видны только глаза и зубы. Там я мужал...», – вспоминал потом писатель.

Однажды во время гастролей в Одессе Ленинградского театра миниатюр Михаил познакомился с Аркадием Райкиным. Известный артист оценил таланты одессита и стал включать произведения Жванецкого в свой репертуар. И через год после знакомства, в 1964 году, пригласил Михаила в Ленинград на должность заведующего литературной частью, о чем в будущем не раз «пожалел».

«Дело прошлое, но должен сказать, что как завлит Жванецкий никуда не годился. Ему не хватало дипломатичности, терпимости, элементарной усидчивости. Но литературный дар Жванецкого, острота и парадоксальность его жизнеощущения, его способность передавать в тексте многообразие современной разговорной речи, его

Наш юмор добывается из воздуха и уходит в воздух. Как пляжные звуки, крики приезжих: «Все это надо записать!» – тоже уходит в воздух. Значит, юмор, язык, запах еды и красивые женщины – и есть воздух этого города.

умение улавливать фантастичность действительности – все это настолько покорило меня, что на какое-то время Жванецкий стал в нашем репертуаре, если можно так выразиться, автором-премьером», – писал Аркадий Райкин в своих воспоминаниях.

В 1969 году Райкин ставит в театре программу «Светофор», полностью состоящую из произведений Михаила Жванецкого. Именно тогда впервые со сцены прозвучали миниатюры «Авас», «Дефицит», «Век техники».

За время работы в театре Райкина Жванецкий написал более трехсот миниатюр и монологов, в том числе для Виктора Ильченко и Романа Карцева. Но однажды подобное положение Жванецкому показалось обидным. Входя в троллейбус и слыша реплики собственного сочинения, ему хотелось обратить внимание пассажиров, что автор-то вот он.

Обидными были и заработки юного литературного гения, не забывает сам Михаил Маньевич: «У меня не было на трамвай! Я ходил через мост, несколько километров, чтобы найти дешевле столовую какую-то. Райкин не платил ни копейки! Я подошел к жене Райкина и говорю: «Руфь Марковна, я уезжаю. Не могу больше. У меня ни денег, ничего. Аркадий Исаакович говорит, что он от Министерства культуры израсходовал все деньги!» Короче говоря, она с ним поговорила, и я получил 500 рублей! Это огромные были деньги. Я сразу переехал в гостиницу «Астория!»

В 1970 году Жванецкий ушел из театра, чтобы, наконец, стать независимым писателем-сатириком и исполнителем собственных произведений. Вместе с Карцевым и Ильченко он возвращается в Одессу, где талантливое трио создает свой собственный театр миниатюр, который уже через пару месяцев после открытия пригласили на гастроли.

Выступления прошли очень успешно. А сразу после возвращения «одесское трио» закрепило успех, завоевав на конкурсе артистов эстрады первое и второе места.

Жванецкого все чаще приглашают выступать solo. Он числится артистом разговорного жанра в Одесской филармонии. К 1972 году его шуткам аплодирует вся страна, и Жванецкого приглашают на работу помощником главного режиссера в Театр «Эрмитаж». Потом будут должности режиссера-постановщика «Росконцерта» и сотрудника издательства «Молодая гвардия».

И, наконец, Театр миниатюр. Его Жванецкий создал сам, был там и ведущим артистом, и художественным руководителем.

В литературном наследии Михаила Жванецкого – десятки книг, в том числе – пятитомник «XXI век» с его сочинениями, монологами, миниатюрами.

Михаил Жванецкий покинул нас 6 ноября 2020 года, в день 30-летия своего дегища – Всемирного клуба одесситов. Но навсегда остался его бесценным Президентом.

С чем выйти к людям в этом нагрянувшем возрасте? Выходить к людям хоть в какой-то физической форме – это раз.
Выходить к людям не с воспоминаниями, похожими на другие, и похожими на прожитую жизнь – это два.
Третье – выходить к людям с опытом, но без итогов. Это крест – вертикаль времени и горизонталь местопребывания.
Вертикаль времени и горизонталь местопребывания – это карта из времени и пространства. А воспоминания пишут все, кто что-то читал. Те, кто много читали, их не читают.

Писателей в Одессе много, потому что не надо ничего сочинять. Чтoб написать рассказ, надо открыть окно и записывать.

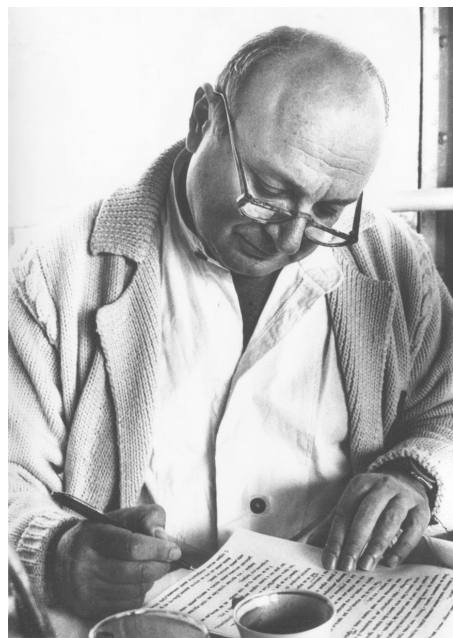

Фото из архива Михаила РЫБАКА

К 90-ЛЕТИЮ М.М.ЖВАНЕЦКОГО

Я ЗАБИРАЮ КРИК ОБРАТНО

В моей записной книжке 66-го года ноября: «Я не хочу быть стариком!.. Я не хочу быть стариком!.. Я не хочу быть стариком!..» Три крика... Сегодня июль 2003-го. И что с того, что не хотел?

Услышал бы меня Господь... Он точно слышал. Он просто понял – от какого идиота... Представляю!

Я бы не сел в автомобиль, я б сына не увидел, не посадил за стол сто человек.

Я б моря не увидел из своего окна. Я бы прохладу летом не включил. Не знал компьютера. И не узнал свободы.

И не увидел проводы трех пареньков в Москве.

То главное, что видел в жизни. Я не прочел бы Оруэлла, Ницше, Пруста. Себя бы не прочел...

Что делать? За продолжение жизни мы платим старостью. За старость платим смертью...

Кто виноват, что все так дорого? За право повидать, как взрослым станет сын, услышать, что он скажет, я должен был болеть, лечиться, кашлять. Но я обязан был увидеть другую жизнь.

Отели, яхты, переполненные магазины. Автомобили, лезущие друг на друга, японский рыбный рынок, греческие острова – как бы увидел, если бы не постарел?

Я много дал. Я дорого купил. Я заплатил годами, силой, остро-умием. Женщинами.

Красотой ранней смерти, столь любимой у нас в стране.

Я выбрал путь труднее.

Я старел, седел, ушел из ежедневного употребления, из популярности.

Я отдал все, чтоб только посмотреть: газеты, спонсоры, помады, памперсы, суды прижизненных...

Пришел, увидел, посмотрел...

А этот вопль: «Я не хочу быть стариком»?! Ну что же, стой в очередях советской власти, ищи еду, лекарства. Отсиди за анекдот...

Ты был на минном поле. Ты проскочил. Всё позади.

О Господи! Прости. На самом деле, извини. Я серьезно – прости!

Я забирю крик обратно.

Я прошу там наверху не обижаться. Дай мне обратно! Дай сюда!

Есть разница. Тогда я был специалистом. С той жизнью мы на равных. И кто кого когда имел...

Сейчас смотрю, пишу, перемещаюсь, но не лезу в жизнь.

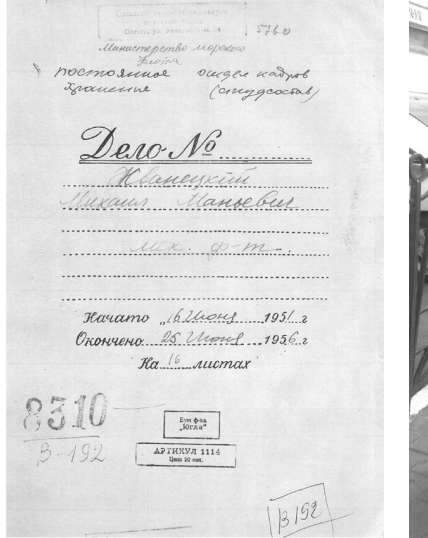
Поглаживаю по головке тех идиотов, кричащих моим голосом: «Я не хочу быть стариком!» Т-с-с... Успокойся. И не надо.

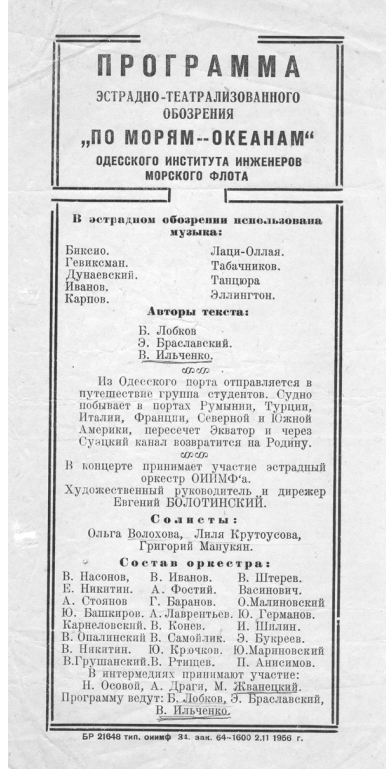
Объявление приема на первый курс Одесского института инженеров морского флота

Зачетная книжка М. Жванецкого, свидетельствующая, что и учиться этот студент успевал, только на «отлично» и «хорошо»

Дело № Жванецкий Михаил Маньевич 1951-1956 студсостав мех. факультет

Программа эстрадно-театрализованного обозрения «По морям-океанам» Одесского института инженеров морского флота, где в интермедиях впервые выступил М.Жванецкий. А один из ведущих программы – В.Ильченко

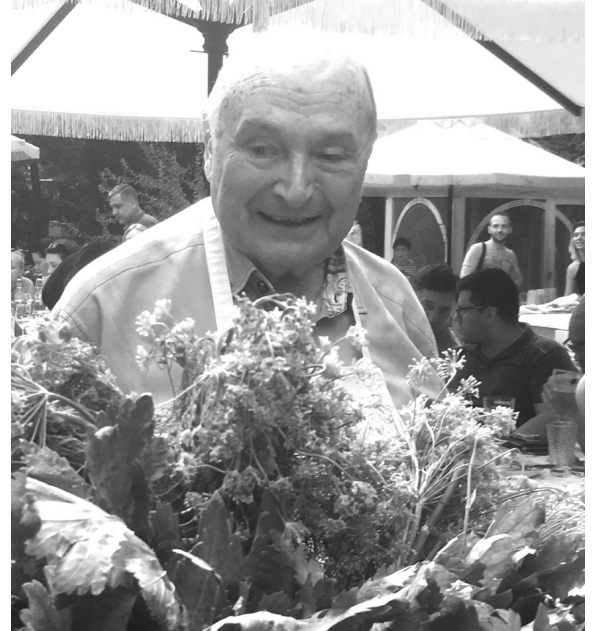
Прекрасно сидеть весь день и смотреть на термометр. Сразу за ним – море. За морем – небо. А за мной – всё. Я старше. Скоро мы тронемся в сторону моря. Все увеличивая скорость и не производя ветра. Вот бы на нас посмотреть. Движемся лишь по прямой. И впервые, впервые нам плывать на Америку. На Британию. На Россию. Да кто ж их вспомнит в этом мареве, в этом великом, свободном полете. Ни голоса, ни звука. И воздух не забывает рот. И незнакомых нет. Все из людей... Уходим многоточием... В красивую тишину падают лекарства, телефонные книжки, блокноты, подарки, поздравления. Все не нужно. Все опоздали.

Михаил Жванецкий

Я будущее предсказать не мог – я все время описывал прошлое, и не ошибся.

Из личного архива Михаила ПОЙЗНЕРА

Татьяна Орбатова

Всё мысли, кажется, ветер смел — мелькнул над нами, убив дракона. Чернее угля войны пробел, белее смерти на пне ворона — клюёт орешек, вдыхает пыль, а пыль от солнца всё золотится. Небесна небыль, земная быль теряет время в своих зарницах. Не чужа почвы, отчаянно грудятся речи в большие стай. И есть в них что-то от чаек, но они над волнами не летают. Они качают в себе войну, в них мирный атом звереет быстро. Они — волна, и несёт волну на чью-то пристань.

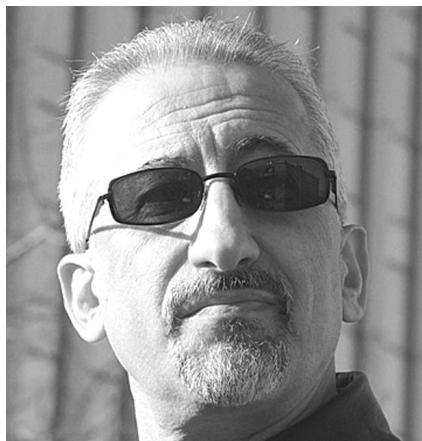
Одесса. Опять февраль.
Фото Анны ГОЛУБОВСКОЙ

Семен Абрамович

Январские сумерки — скомканный день. По серому небу закатная тень ползёт по обшарпанным стенам строений, меняясь по форме с изысканной ленью. Касается стёкол безмолвных окон. И эти пастели, как душ, как озон, бликующий свет заливают в торшер, и ты окунаешься в глубь стратосфер. О чём твои мысли, пылинки Земли? О мире ранимом, о горе войны? А может о счастье в окопах беды? О дьявольских лапах, приравнивших бразды? Безмолвие давит своей тишиной. Безсловие давит своей глубиной. Ответа не будет — ответ в тираже. Вопросы на грани и на рубеже. За красною нитью лишь пропасть лежит — кричить украинский, благе и врит... Уж, полночь негромко пробил часы. Бессоницу — сон, водрузил на весы мой враг. Что ему до меня... опять мерзких дронов влетает толпа. Бьёт в уши тревога взыванием ног. Набрось мне на плечи, о Господи, лот Согрей мою душу, прошу... и молю за каждого, кто, приближаясь к нулю, свою жизнь приносит, как встарь, на победный алтарь...

01.02.2024.

РЕКВИЕМ ТРЕВОЖНОЙ НОЧИ...

И снова дроны, снова дроны, прожужжав нырнули в кроны, душу дьяволу отдав. И земля как будто стонет, свай в землю взрывы гонят — самой страшной из октав. Это бьёт не баба-копра. Это сердце бьётся в рёбра. Камертоны у висков. Это ночь гудит тревожно, и от боли невозможной, и от горя стынет кровь. Это катятся слезинки

24-25.01.2024

МОНОЛОГИ

1.

Всякий раз, когда пытаешься изменить судьбу, она оказывается твоим зеркалом. Она в тебе, в твоих глазах, мыслях, словах и желаниях. Она всегда в твоих действиях. Если ты ещё не видишь её в себе, она оказывается твоей спутницей — идёт рядом, стоит за спиной, маячит впереди. Чаще всего твоя судьба тесно переплетена с культурным слоем твоей семьи. Но однажды, когда ты вдруг осознаешь, что собой представляет твоя судьба, приходит усталость. Усталость не от жизни — от собственной суеты. Смотришь по сторонам и видишь суету других, пытающихся «изменить судьбу». Много войны в этом — войны с собой и другими людьми. Но мира нет. Нет жизни с миром. Нет любви к миру и благодати. Есть невежество, желания, страсти и воздыхания о «покое, который только снится». Ты видишь, что иногда кто-то доживает до старости, и к нему приходит иллюзия покоя. У него нет покоя, есть отсутствие сил и энергии. Но почти всегда в этом мнимом покое прорастает досада и даже отчаяние — из-за отсутствия времени и энергии, «чтобы изменить судьбу». Судьбу изменить нельзя, но можно попробовать стать лучшей версией самого себя — если найти в себе и вырастить то самое лучшее, что уже заложено. Какого именно себя вырастить (худшую свою версию или лучшую) — только твой выбор.

2.

Две стены. Когда включается воздушная тревога, это транслируется непременно — две стены. Две несущие стены. Они могут спасти. Но людей тянет к окнам, чтобы увидеть. Воображение играет в разные игры. Кто-то назовёт это испорченным зрением, кто-то даже безумием, но ты подходишь к окну и видишь, что окно возможностей уже закрыто. И тотчас что-то стучит в стену. Но тебе кажется, это стук по стеклу. Может, дождь. Или ветка дерева? Ты смотришь из окна своей квартиры. Упираешься лбом в стекло. Летом видишь зелень за окном, синее небо, людей во дворе, на улице или в парке. Осенью опадают листья, летят под ноги. Впрочем, им всё равно куда лететь. Ими усыяны все тротуары и земля. Если это зима —

ты видишь снег, птичьи следы на снегу, дети играют в снежки. Где-то там и ты с ними. Весной ты радостно дышишь её воздухом, её сладким духом и младостью. Ты видишь в этом саму жизнь, и она в движении.

Но ты всегда смотришь из самого себя. Упираешься лбом в стену своего внутреннего дома, думаешь, это окно. Думаешь, многое зависит от того, что было вчера или будет завтра. Но без тебя не было бы твоего вчера и не будет твоего завтра. Ты подходишь к окну, открываешь его, думаешь: свежий воздух. Ты чувствуешь воздух стенами своего внутреннего дома. Именно эти стены знают трещины твоего мира. Ты видишь пейзаж, собачку, людей. Вот мальчик бежит, за ним спешит дедушка. Они улыбаются. Начинается дождь, дедушка и мальчик топают по лужам, им радостно, они счастливы. Но дождь всё сильнее — ливень. Ты смотришь на дождь, не понимая, что это твои слёзы. Они льются из водосточных труб. Мелодия водосточных труб? Ты вспоминаешь стихи известного поэта и думаешь: всё уже давно сказано. Всё последующее вторично. Очередная версия повторяющегося мира. Ты смотришь на чужие открытые окна, думая, что там, возможно, есть что-то стоящее, неповторимое, настоящее.

Но твои стены могут рассказать тебе о настоящем больше, чем чужие открытые окна.

За несколько месяцев до войны приснился Артём в чёрной одежде. Сказал: «Не волнуйся, мама. Со мной всё хорошо, но ко мне возвращаются друзья. Совсем скоро придут многие». Я обернулась и увидела их. Они шли рядами, направлялись к нам, улыбались, шумно приветствуя Артёма. Их было много.

Сын смотрел на них, не улыбаясь. После пробуждения первая мысль была о войне. Позже узнала, что в тот день хоронили друга Артёма.

Когда гнев захлёстывает меня, не пишу. В гневе и ненависти нет поэзии. Нет той поэзии, которая мне близка.

Не пишу. Но вслух проклинаю всех, кто затеял эту войну; всех, кто воюет против нас; всех, кто поддерживает оккупантов и оправдывает войну.

Не знала, что способна проклинать.

Приснился Артём в полевой форме, выцветшей от летнего солнца. Он был с ребятами на балконе незнакомого мне дома, что-то оживлённо обсуждал. Я стояла на улице под балконом, смотрела на сына, любовалась его красотой, жизнерадостностью, не понимая, почему он в военной форме. Окликнула его. Артём взглянул на меня, улыбнулся и спрятался. Когда проснулась, первая мысль: Артёму принесут повестку.

Вторая: его нет двенадцать лет, не может быть, чтобы принесли.

Прошло всего несколько дней, Артёму принесли повестку.

Мужчина в военной форме, парень в штатском, женщина с тетрадкой. Не поверили, что сына нет в живых. Попросили свидетельство о смерти.

Извинялись, дескать, база данных давно не обновлялась.

Что бы я ни начинала сейчас писать, очередные новости отменяют написанное. Сколько вокруг боли и горя!

Страшные преступления совершают россияне.

Словами не передать всё, что происходит в моём сознании.

Слова кажутся слишком мягкими — слабее эхо моих эмоций.

От пафоса и экзальтации меня коробит. Иногда просто хочется кричать. Мат коробит. Но мат прорывается и во мне.

Против кого они воюют? Кого спасают? Ровесники моего сына уже выросли. Они любят Украину. Прежде всего, это их страна. Многие из них создали свои семьи, у них родились дети.

Многие в Украине были русскоговорящими. Но к нам пришла война под видом «русского мира».

Они пришли, чтобы убивать наших детей и внуков. Их мир — это наша смерть.

Смерть людей и выжженную землю они называют миром.

Юрий Михайлик

Иноагенты — сплошь интеллигентны, кого счастливый случай поберег, их ярлыки как орденские ленты, как сказанное ими — поперек.

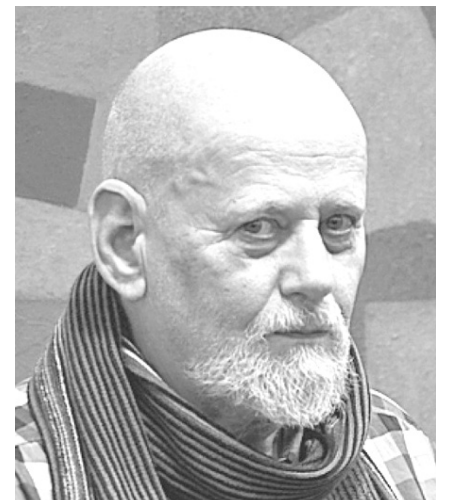
Как будто иностранные, шальные, и все надежды их обречены, в родных пейзажах — странные, иные. Мне очень жаль, что нет такой страны.

Мне жаль, что горечь выгорит дотла, что в мире вовсе нет такой разведки, которая б прочла и поняла за триста лет их речи и заметки.

Из тайных жил их вымыла природа, блестя в песке как горная слюда.

Они, конечно, вышли из народа. Вернись в него — и сдохнешь со стыда.

Игорь Божко

стихи мои плачут их слёзы по веткам стекают деревья зимой укоряют меня мол чёрные птицы им снятся но как им помочь я не знаю я — просто пустые слова размытые зимним дождём чугунные ветки... им больно чугунными быть. стихи мои плачут но как им помочь я не знаю им снятся деревья зимой размытые чёрной водой чугунные слёзы на ветках а птицы — им что... и мертвые будто живые не могут понять почему — слова так просты и пусты.

2024

ТАМ, ГДЕ ЗАТИХАЕТ ТРЕВОГА

Terramajoris

Как важно успеть все сделать вовремя: простить, повиниться, сказать слова благодарности, любви, признательности. Не опоздать.

Поздней осенью 2023-го ушла из жизни Алла Крикун. Ее смерть была такой же, как и вся жизнь одесской художницы, – скромной и тихой. Она просто вернулась к земле предков, к своей Terra majoris.

Она ушла в год своего юбилея. Но никаких приличествующих этой важной дате торжеств и событий не было. А сама Алла Михайловна скромно не стала никому об этом напоминать. И здоровье предательски сдавало.

Но спустя два месяца после ухода мастера в галерею Городского сада Art Odessa открылась уже посмертная выставка Аллы Крикун. Куратором

проекта выступила Елена Павлова. И на ее призыв откликнулось столько людей, объединившихся в желании отдать дань памяти хорошему человеку, талантливому живописцу и графику.

Большинство представленных работ были из личных коллекций одесситов, дополненных предметами музейных собраний и галерей. А сколько еще ее работ разлетелось по миру... Ведь ее картины греют душу, ими хочется все время любоваться, быть в поле их энергии.

Крикун работала в яркой, самобытной, экспрессивной манере, в которой нашли отражение украинские мотивы, неповторимый колорит родных пейзажей, черты народного фольклора. Портреты, море, одесские степи, животные и птицы, – что бы ни писала художница, все говорило о тонкой лиричной душе мастера. Она показывала зрителю яркий, поэтический мир, дарила удивительное ощущение радости, весны, праздника. Алла Крикун писала не только картины, но и стихи, короткие, пронзительные, философские...

«Что же это было?
Был ли это сон?
То ли жизнь прошла,
Что же это было?..»

Своими работами художница словно говорит: «Любите и цените жизнь, она самое дорогое, что у нас есть, дарите радость и тепло друг другу».

Аллу Крикун похоронили на ее родине – в селе Любополь на берегу Тилигульского лимана. Но остались ее работы, полные жажды жизни, энергии и любви. Память об Алле Крикун – чистая и добрая, как и сама ее замечательная художественная Вселенная, искренне оставленная всем нам, как послание.

Катя ПИМЕНОВА

ИЗ ФОНДОВ ОДЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Лев Славин

Наследник

...Избегая светлых улиц, мы вошли в Инвалидный переулок. Началась немецкая часть города, кирха, училище св. Павла, готические стрельчатые крыши, напротив из консерватории пробивались звуки фортепьяно. Хлопали старые двери гимнастического общества «Турн-Феррейн».

Я возбуждался все больше и больше от зрелища мирной жизни, от афиш на столбах, от извозчиков, на которых катили господа в котелках, придерживая за талию дам, от собак, деловито бежавших в разных направлениях и по совершенно, видимо, частным делам.

Мы углубились в Гулеву улицу, которая теперь называлась улицей Карангозова, но которую все продолжали называть Гулевой, – монархисты из презрения к новшествам, либералы из ненависти к генералу Карангозову. Кругом стояли магазины музыкальных мастеров, все чехи – Драгош, Лукаш, Седлачек. В окнах рядом с балабайками и мандолинами стояли фикусы, кактусы и клетки с попугаями.

Мы прошли по Соборной площади, но не через центр, залитый светом, а по темной боковой аллее, меж маро-

ньеров и акаций. На матовых стеклах кафе Либмана мелькали силуэты бильярдистов. Аптека Гаевского и Поповского сияла лиловыми и рубиновыми вазами. Справа начинались торцы Дерibasовской улицы. Городовой в белых перчатках воздымал дубинку. Катились трамваи, широкие южные трамваи с желтыми соломенными сиденьями. По Дерibasовской шли люди с книжками от Распопова, пирожными от Печеского, колбасой от Дубинина, рахат-лукумом от Дуваржоглу. Город дышал пивом Санценбахера, консервами Фальцфейна, богатством Ашкинази, гордостью Сцибор-Мархоцкого. Сколько раз я принимал участие в прогулках по Дерibasовской, почти ритуальных в своей неизменяемости, раскланиваясь со знакомыми, завидуя серой форме учеников 1-й гимназии!

А дальше тянулись заманчивые пространства Ришельевской улицы, которая начинается так гордо «Лионским кредитом» и платанами, морем и каллиграфом Косоде, но вскоре запутывается, входит в сожительство с грязными Большой и Малой Арнаутскими и бесславно гибнет среди дешевых притонов и мусорных ящиков на

Лев Славин. 1930-е гг.

перекрестках, меж фотографом «Генний Шапиро» и парикмахером «Жорж Крутопейсах». Пусть моя жизнь не будет похожа на Ришельевскую улицу!

Возбуждаясь, я говорил все больше и больше. Я попытался объяснить Володе совершенную отчужденность Польской, Земской и Гимназической улиц, на жителей которых дедушка Абрамсон – э, да что там, и я сам! – взирал, как если бы они жили в Новой Каледонии. (Напротив, я ощущал как родную Садовую улицу, где стоял дедушкин дом, и всю прилегающую систему Коблевских, Нежинских, Херсонских, Елизаветинских улиц, с двухэтажными флигелями и уборными в конце двора.) Еще дальше шли совершенно уже непонятные – Слободка-Романовка, Пересыпь, Молдаванка и, наконец, первобытная дикость Ближних и Дальних Мельниц, край мира, обросший травой.

– Какое идиотство! – вскричал Володя. – Перестань работать языком!

Мы вступили на Преображенскую улицу. Фруктовая лавка с толстой хозяйкой, похожей на испанку, пивной погребок «Гамбринус», университет, набитый сторожами, матрикулами, колбасами. Сквозь Малый переулок мы достигли улицы Гоголя. Внизу шумело море, гипсовые атланты подпирали балкон, величественный, как земной шар.

Вера Инбер

Стихи о кошке и ее невероятном романе

Как объяснить сей парадокс?
Сам черт себе тут сложит ножку:
Случилось так, что некий фокс,
Что фокстерьер влюбился в кошку.
И нежно приторен стал фокс,
Он пел, рыдал румынской скрипкой;
Он говорил: У ваших ног-с
Готов я умереть с улыбкой.
Я дал бы хвост мой отрубить,
Когда бы не был он отрублен,
Чтобы поехали вы жить
Со мной в Чикаго или Дублин.

Вера Инбер в Париже. 1914 г.

В стране, где выдумали бокс,
Ничьи б не привлекало взоры,
Что молодой шотландский фокс
Женат на кошке из Ангоры.
И кошка, женщина в летах,
Прельстась мальчишескою страстью,
Сложила вещи впопыхах,
Бросая родину для счастья.
Среди маисовых полей
На ферме зажили супруги,
Вкушали лук и сельдерей,
И обходились без прислуги.
И ровно, ровно через год
У них родился фоксокот.

Из книги «Бренные слова»,
Одесса, 1922.

Подготовила Алена ЯВОРСКАЯ

Л.Славин с женой

За два роки ми звикли до повітряних тривог, що переривають спектаклі та кіносеанси. Як і минулої зими ми пристосувалися до раптових відключень світла, коли театри занурювалися в морок і звично переходили на генератори. Успіх – якщо виставу вдалося без тривог дограти до кінця. Глядачі привчилися перебувати у театрі у верхньому одязі. І не тому, що в залі холодно чи закрито гардероб, а тому, що у разі тривоги слід протягом кількох хвилин залишити приміщення театру та сховатися в укритті. Але незважаючи на ці незручності, зустрічі з мистецтвом стали навіть більш бажаними. У важкі часи ми навчилися більше цінувати прості людські радощі і не падати духом. Ми ще більше згуртувалися та допомагаємо один одному. І безмежно вдячні нашим художникам, музикантам та артистам, людям мистецтва та культури, які роблять наше життя гідним та красивим. А вони вдячні своїм глядачам за те, що можуть залишатись у професії.

Зірка над Одесою

В Одеському академічному театрі музичної комедії ім. М.Водяного відбулася прем'єра легендарної рок-опери за однойменним твором Ендрю Ллойда Вебера на слова Тіма Райса «Ісус Христос — superstar».

Прем'єра мюзиклу відбулася на Бродвеї понад півстоліття тому – у 1971 році, досягла величезного глядацького успіху та була поставлена на сценах 17 країн світу. Глядачі 50+ добре знайомі із неймовірною музикою Е.Л.Вебера. Платівки різними шляхами потрапляли до меломанів, з них уже робилися незліченні копії на магнітофонні бобіни і передавалися з рук у руки.

Постановці передувала величезна підготовча робота. Адаже потрібно отримати дозвіл у авторів та правовласників матеріалу, британської компанії The Really Useful Group, виконати цей твір на українській сцені. І таку можливість було надано, що стало справжнім подарунком для глядачів (велика подяка директору-художньому керівнику театру Олені Григорівні Редько).

В основі сюжету постановки – біблійні події двотисячної давнини, викладені в Новому завіті, про які ми добре обізнані

завдяки літературі, живопису та кіномистецтву.

Звичайно, були хвилювання в упередженого глядача, як і на якому рівні піднесуть артисти біблійну історію про Спасителя, чудеса і зцілення, добро і зраду, розп'яття і піднесення. Як виконає оркестр музику, що бере за душу, і як впораються постановники з візуальним рядом і костюмами...

Відразу скажу, результат перевершив усі очікування. І виконання шедеву світової музики, і лаконічні декорації, і оригінальне трактування, і яскраві образи, і акторська гра, і професіоналізм артистів балету і хору, – все заслуговує на високу оцінку, перш за все, робота режисера-постановника спектаклю Володимира Подгородинського.

Заслужених глядацьких овацій удостоїлися лауреат премій Гран-прі міжнародних конкурсів вокалістів Денис Рудий (Ісус Христос) та заслужений артист України Олександр Шесняк (Понтій Пілат), лауреати міжнародних конкурсів вокалістів Олександр Кабаков (Іуда Іскаріот) та Катерина Мись, Сергій Мільков (Цар Ірод) та Олег Сакура (Петро), Сергій Тищенко та Віталій Платов (первосвященники)...

Багато чого було незвичним у постановці. Це і посадка на ар'єрцесні, у глибині простору. Це і оркестр (диригент-

постановник – Вадим Перевозников), який приховувала від зали «платина» часу та збудована під кутом частина сцени, з ухилом до рампи, що створювало переваги для глядачів і додаткові складності для балету (балетмейстер-постановник Віталій Кузнецов). Це і виконання рок-опери мовою оригіналу, англійською, з рядком перекладу над сценою, що біжить (переклад українською здійснив наш одесит, педагог, перекладач і поет Ігор Лосинський).

Заслуговує на увагу робота декораторів та костюмерного цеху одягу, сандалі та тюрбани біблійних фасонів, лати римських леґіонерів, туніки та хітони. Все це допомагає загальному сприйняттю атмосфери епохи Ісуса Христа (заслужений художник України Станіслав Зайцев у тандемі з художником по костюмах).

Усьому творчому колективу вдалося викликати величезний відгук, справити сильне враження в серцях глядачів. Це був очищаючий катарсис, радість від зустрічі зі справжнім мистецтвом. І навіть повітряні тривоги не наважилися «потурбувати» театральне дійство, мабуть, втрутилися вищі сили. А глядацькі емоції були настільки сильні, що зал довго стоячи аплодував артистам.

Одним словом, браво! Це та постановка, яку треба дивитись і не раз, і не два. Поки що в передчуттях побачити на сцені інший виконавський склад.

Наталія БРЖЕСТОВСЬКА
Фото Віктора ПУШКІНА

«Перевізник»

В останні дні зими, коли в Одеському національному академічному театрі опери та балету глядачі, затамувавши подих, слухали «Реквієм» – останній незавершений музичний твір Вольфганга Амадея Моцарта, Український музично-драматичний театр представив глядачам виставу «Перевізник». Це комедія з елементами чорного гумору про чоловіка, який намагається врятувати свою кохану, – мабуть прекрасна сучасна ода інституту сім'ї. Зберігаючи сім'ю, ми зберігаємось як нація і як особистість», – пояснив своє сприйняття роботи режисера-постановника вистави Олександр Самусенко.

Автор містичної драми про жінку з кошою, йогою та човнярем – українська поетеса, драматург, лауреат міжнародних конкурсів та премій Ганна Яблонська. Одеситка Ганна Яблонська загинула у тридцять років під час теракту в аеропорту Домодедово у 2011 році. Переклад п'єси здійснила поет та перекладачка, лауреат Шевченківської премії – Маріанна Кияновська. У виставі «Перевізник» – вирішуються важливі дилеми між Життям та Існуванням, Буттям і Смертю, Любов'ю та Вдаванням, Прагненнями та Смутком. Сторож, Дерева, Електричний Стоп, Люди в хітонах, Жінка з кошою, Йосип-Лауреат, Йог та Білий кінь – персонажі цієї загадкової історії. На глядачів чекає неймовірна смішна і водночас страшна пригода Чоловіка, який мріяв стати Письменником, але події його життя розгортаються так, що не кожен автор зможе подібне придумати. Після жалюгідного існування – гроші падають на нього немов із рогу достатку.

Одну з головних ролей у «Перевізнику» грає заслужена артистка України Нінель Наточая. Її персонаж – жінка із кошою. «Смерть, яка забирає життя, яке люди бояться, якого люди прагнуть. Смерть, яка грається з людьми... Ми хочемо показати, що смерть – це втілення жіночності. Тому в нашій виставі вона буде дуже різною. Тому я гратиму в образі смерті дуже багато різних жіночих персонажів», – поділилася артистка. Нінель Наточая додала: Ця вистава про нас усіх. Вона про те, що нам дуже важливо, особливо сьогодні, робити свій вибір. Якщо ми його не зробимо, якщо ми не зробимо його правильно, то прийде жінка із кошою. А коли прийде жінка з кошою, дуже важливо розуміти, що ти, як людина, те, що могла зробити, впералася. І чудово, що ці речі ми даємо через гумор. Для нас важливо вшанувати пам'ять яскравої землячки, щоб вона у поставлених нами творах залишалася жити ще довго-довго. Важливо, щоб одесити пам'ятали та мали змогу рефлексувати та насолоджуватися її творчістю.

На думку Олександра Самусенка, сама вистава спонукає жити. Для глядачів вона буде не лише естетичною, а й терапевтичною. «Ця вистава дає надію, що життя зміниться на краще. Обов'язково. Потрібно вірити, треба дбати про свою сім'ю», – розповів він.

Над виставою також працювали: сценарграф – Юрій Ларіонов, лауреат Шевченківської премії, художниця з костюмів – Христина Корабельникова, пластичне рішення – Денис Григорук, звукове оформлення вистави – Віктор Черньов.

«На цьому роялі грає тільки Бог», або Танці на ящику з динамітом

В Одеському академічному українському музично-драматичному театрі імені Василя Василька поставили виставу «1900-й. Легенда про піаніста».

Книга Алессандро Барікко та культовий фільм Джузеппе Торнаторе, звичайно, прекрасні твори, але наша версія також достойна. І для її сприйняття необов'язкове знайомство з першоджерелом, хоча воно й бажане.

В будь-якому випадку, вистава не для тих, хто приходить до театральної зали з власним вбогим літературним смаком та бажанням тупо реготати в надрі почути щось непристойне. Тут потрібно максимальне включення, треба бути налаштованим на тонкі енергії, всосувати кожен мить, що відбувається на сцені, де, власне, і знаходиться.

Режисер-постановник Олександр Самусенко здивував свіжістю рішення, здійснити які допоміг йому сценарграф Максим Лапко. Формат «Глядач на сцені» дозволяє публіці опинитися на місці пасажирів лайнеру «Вірджинець». Планшет сцени виявляється палубою, яку дрять чорношкірий матрос Денні Будмен (Анато-

лій Головань). Одразу скажемо, темний грим швидко потрапляє з долонь матроса на білі рукавички красуні-пасажирки (Марія Буймович), коли проходить з нею в танці по чистій палубі. Тут є про що подумати, може, аквагрим не буде так бруднити?

Проте, звичайно, частіше партнеркою по танцях слугує йому пвабра, чії кучері з пеньки спадають на плече партнера, немов розкішні локони... Одначе в останню путь, коли він опиниться в шлющі з переламаними штурмом кістками, проводжати Денні буде якесь видіння з минулого, статечна негритянка, котра непервершено співає блюз (помічник режисера Мирослава Ткач демонструє нову грань свого таланту). Шлюпка стає човном Харона...

Коли за сюжетом штурмити, поворотне коло стрімко обертається зовсім поруч з публікою, і легко можна підхопити морську хворобу, а ще згадати про долю пасажирів «Титаніку». І це логічно, адже реальний «Вірджинець» фатальної ночі 15 квітня 1912 року йшов на допомогу «Титаніку», що потерпав від аварії, просто «Карпатія» обігнала його.

До того ж, сьогодні ми всі, і актори, й глядачі, можемо за-

гинути будь-якої миті, на війні таке трапляється. Та не полишаємо рідної палуби, ось як геніальний піаніст-самоук 1900-й, названий так за роком народження. Дитя однієї з емігранток, яка досягла берегів Америки, де, подекують, всі багаті та щасливі, покинуте в коробці з-під лимонів. Матрос Денні його й підбрав, оберігав від крикливого капітана та численних чиновників, котрі намагаються знайти й відібрати дитину.

Дитя ми на сцені не побачимо, як і трубу «ненадійного оповідача», трубача Макса Туні (Володимир Романко), котрий після описуваних подій вимушений через проблеми з грошима продати свій інструмент. Він у захваті від таланту 1900-го, котрого (з мінімумом текстових реплік, але з максимумом присутності за роялем) грає піаніст та композитор Вадим Бессараб.

Фінальний монолог 1900-го про те, як важко було б жити не на лайнері, а в безкрайньому світі, подібному до роялю, на якому грає тільки Бог, Макс промовляє, одягнувши на себе концертний фрак піаніста. Але цей фрак має білу підкладку, коли його одягає навиворіт 1900-й, він грає за кон-

курента на сцені творчого батлу із джазменом Джеллі Ролл Мортонем (Павло Івлюшкін в білому костюмі віртуозно б'є стел на ящиках з написом «Динаміт»). Фрак знову набуває чорного боку, і тепер піаніст грає за себе, все віртуозніше та віртуозніше (за аранжування та імпровізації відповідає також Вадим Бессараб, і зрозуміло, ніякого іншого виконавця ця роль в нашому театрі не передбачає).

Так ось, про трубу. За неї співає Марія Буймович, і якщо у актриси є подібний довід в минулому, то Мирослава Ткач раніше ніколи не співала джаз. В прекрасних вокальних номерах є величезна заслуга хормейстера Наталі Боярської, чие основне місце роботи – Ровенський театр. На цьому варто зупинитися, повірте на слово, що вистава подібна до скриньки з сюрпризами, що кожна, навіть найменша роль, чітко окреслена та врізається у пам'ять, що сидіти на палубі в напівтьмі під штормовий гул чудово й душекорисно. Джаз, чи знаєте, така музика, з якою не страшно помирати, а Бог нехай грає далі свій блюз, коли на то воля Його.

Марія ГУДЬМА

ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ

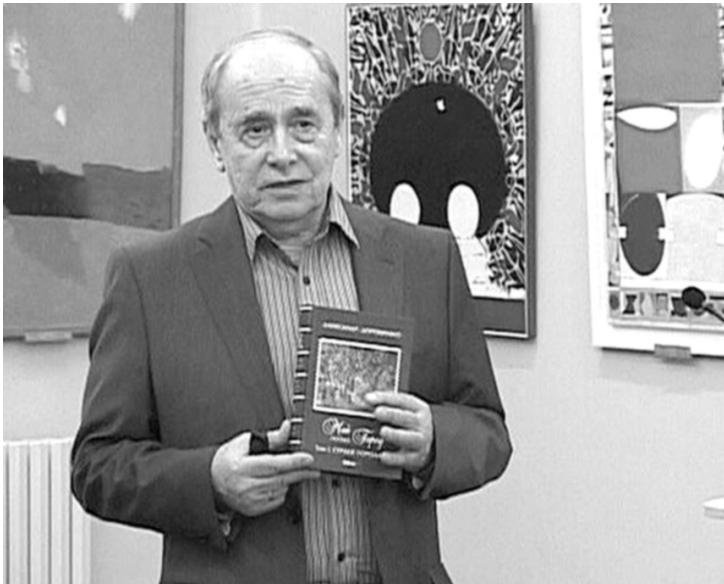
Александр Дорошенко

Старший маленький брат

В громадных наших дворах собак было много, и были они домашние и дворовые. Впрочем, они тогда все были беспородные, просто одной псине повезло, а другим нет. Которым – нет, те жили во дворе, их кормил весь двор, и в самые сильные морозы кто-нибудь давал приют в теплом сарае. Мы же, мальчишки, равно любили всех своих псов и различия между ними не проводили. У собак наших была своя система отношений, кто с кем дружит или не очень, но приход чужой собаки в наш двор всех сплачивал в единодушном и свирепом отпоре. Правда, собаки чужих дворов эти правила знали хорошо и судьбу не искушали. С котами дворовыми (они все, хитрые бестии, устраивались в домах и имели хозяек) наши собаки жили мирно. Так, слегка шугануть, загнав на дерево, но это для порядка, поскольку за каждым котом стояла хозяйка, а с нею хорошие отношения означали иногда косточку.

Дворовые псы ночами исправно несли службу. Дворники исчезли вместе со старым режимом, когда на ночь обязательно закрывались ворота дома и каждый, пришедший позже положенного времени, стучался и давал дворнику какую-нибудь мзду. Такой дворник играл роль консьержа. С революцией это ушло в прошлое, правда, по необъяснимой причине ушло вместе с воротами, и у большинства дворов ворот теперь не было вовсе, либо были это некомплектные или вконец разбитые и никак не закрывающиеся ворота. Видимо, ильфо-петровская история с дворником Митричем и пропавшими дворовыми воротами авторами была наблюдаема в реальности времени. Так что наши псы ночами охраняли дом.

Естественными их врагами были гицели. Ездили по утрам, как правило, очень рано, по улицам автомобили с ящиком-клеткой позади. Наверху ящика была крышка, а позади сетчатое окно, так что видны были пойманные бедолаги. Сразу за кабиной с двух ее сторон сидели два собаколова – гицели. У них были кольцевые сетки на длинных палках и на палках же петли. Ловили они любую собаку, покинувшую двор. И вбра-

сывали в свой ящик. Часто бывало, что хозяин, оповещенный об этой трагедии нами, успевал выбежать со двора и, догнав будку, выкупал свою собаку. Не успевшие отправлялись выкупать на станцию. Мы всегда бдитительно следили за гицелями и загоняли своих псин во двор.

Эта утренняя машина на пустых дорогах города была как моторизованный ангел Смерти, как символ трагедии, неслышно подбирающейся к каждому из нас, к каждому, кто нам дорог! Из-за угла, когда ее не ждешь!

Идет беззаботный путник, тихонько напевая песенку, и птица, прервав утренний свой туалет, ответно ему что-то чиркнет, приветствуя наступающий день. Завороженные встречей, любовно рассматривая друг друга, вы стоите на самом углу Зеленого садика, где начинается Михайловская улица и мой дом, у старой акации с корявым и упрямым стволом. А в это самое время, в полной тишине и беззвучии, из-за поворота угла выплывает катафалк, и двое работников Смерти, стоящие по его сторонам, мерно взмахивая косями, пожинают спелую жатву.

Пусть не тебя они губят, но близких тебе, бездомных псов, вбросив в эту клетку, полную смертного страха.

Оставшийся равнодушным, не подымавший камень с земли, – не человек!

Ненависть наша к гицелям (а их к нам, мальчишкам) была

непримиримой. Сколько камней летело в их машину, а мы стремглав убежали в свой спасительный двор. Любой гицель знал, что во двор, наш молдавский двор, ему лучше не заходить.

Долго живя с людьми, собаки становятся на них похожими, перенимая худшее, комплексы и страхи. Растерявшаяся собака становилась легкой добычей гицели, она теряла от страха способность думать и ориентироваться и часто сама шла в сеть.

Но моя Сильва, уже старая во времена моего осознанного детства, дважды на моих глазах легко уходила от собаколовов. Они шла на нее вдвоем, с двух сторон, по отработанной методе, чтобы заставить собаку броситься в отчаянии в любую сторону и угодить в сеть. Сильва ждала, спокойно стоя на месте. И в последний момент, когда гицель вздергивал свою сеть или петлю, она перепрыгивала через его инструменты и легко уходила.

Никогда не забуду, как колотилось сердце: на моих глазах гицели пытались поймать Сильву, не реагируя на мои крики, как оно выпрыгивало из груди, и радостные слезы, когда я обнимал спасающую Сильву и целовал ее морду. А старая мудрая Сильва, с пониманием глядя в мои глаза, виляла хвостом, длинным, пушистым и лисьим, и вылизывала слезы с лица, – слезы, которые мне еще только предстояли на путях жизни.

Стерегающие глаза кошек

Сегодня вечером я стал свидетелем кошачьих разборок. Дело происходило в подворотне дома, что не доходя до Преображенской, если идти по Успенской со стороны моря, по правой стороне улицы. Встретились два кота: один помойной расцветки, с оторванным ухом, крепкий, как репейник, видимо, чей двор, потому что стоял со стороны этого двора; второй, с хвостом-трубой, этот пытался зарулить в чужой двор. Он был ухоженный, явно домашний, имеющий собственную родину.

Сладость родины ощутима, когда ее утратишь! Когда я тормознул, минув двор, они все уже сказали друг другу (я, подходя, слышал этот трехэтажный рев), и теперь пора было от слов к делу. Они бросились одновременно в схватку, и все сразу же перемешалось. Это был не клубок тел – шаровая молния бушевала в подворотне дома, а дому этому двухэтажному, с уцелевшими воротами, распахнутыми настежь, с тяжелыми вездными тумбами, было ровно 175 лет.

И вот я видел и слышал, как трубили в свои трубы ангелы мести и раздора (они сидели рядышком на коньке крыши, как дети любят сидеть на молу у моря, некоторые сидели на веничке дворовых ворот, и ноги одного свешивались, так что через развевающийся на диком ветру схватки подол можно было прочесть инициалы дворового владельца «СЮ» – Соломон Юдовин), как качнулись стены старого дома, и первыми рухнули навзничь ворота, а потом на тротуар рухнули стены, и по ним поехала-покатилась с уместным грохотом крыша...

Соседний дом, стоявший плечом к плечу с этим, рухнувшим, сначала покосился, как-то задумчиво, и так некоторое время стоял, а потом тоже рухнул, и камни, и пожитки, и скарб домашний перемешались, и женщина, голая в ванне, проехала за угол, царапая асфальтовое тело всеми ножками своего транспорта, с ужасом смотря на меня, одетого проходимца...

А коты дрались в восторге и остервенении, летел пух, обрывки усов и ушей, вперемешку с вырванными из стены кирпичами старого дома.

И города моего не стало. Улица стала видна насквозь, как раздетая женщина...

А коты дрались в самозабвении, утратив память о реальности нашей жизни.

Потом они отряхнулись и постояли так некоторое время друг против друга. Пришелец повернулся и пошел прочь. Владелец дома еще постоял, выжидая, потом повернулся идти в глубину своего двора и тут углядел меня, свидетеля. Недовольно передернул хвостом, и я увидел в ограниченном своем зрении целым и нерушимым дом, угловой светофор отчаянно мигал, пытаясь проморгаться, завывали автомобильные клаксоны, и мягкая тень деревьев вновь легла на шершавый асфальт Успенской и на стену разрушенного до основания дома. На моих ошеломленных глазах дом по кирпичику построил себя вновь.

Мы видим внешнюю оболочку вещей и событий. Я случайно стал свидетелем подлинного существования и развития мира.

И впервые понял, – мы в нем, – не главное!

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Аркадий Хасин

Необычные пассажиры

Как-то после выхода моей очередной книги, а вышло их уже более тридцати, позвонила мне одна моя читательница, с неожиданным вопросом:

– Вы пишете о своих морских приключениях, товарищах-моряках, об интересных событиях. Слышала, что иногда на судах дальнего плавания вместе с командой отправляются в дальний путь и четвероногие питомцы. Расскажите, так ли это, приходилось вам их брать в рейс?

И я вспомнил вот какую историю. Я работал старшим механиком на теплоходе «Большевик Суханов». Это было большое океанское судно, построенное в Польше. Мы курсировали на линии между Индией и Западной Европой, возили чай из индийских портов. Дело было вскоре после 1967 года, когда произошла шестидневная война между Израилем и Египтом. Суэцкий канал был закрыт, и нам приходилось ходить в Индию вокруг Африки, или, как говорили моряки, вокруг всей географии. Рейсы были длительные, по 3-4 месяца, иногда по 5, в зависимости от погоды, а потому довольно утомительные. И случившееся в один из рейсов было для нас приятной неожиданностью.

Как-то по прибытии в Бомбей, где мы должны были загрузить очередную партию чая, начался сезон муссонных дождей. В такую погоду чай грузить было нельзя. Трюмы были закрыты. Экипаж скучал, все фильмы были пересмотрены.

Вот тогда-то на судне и произошло ... пополнение. У нас появился необычный пассажир. Один из наших матросов купил у бродячего индуса за пять долларов обезьянку. Эта маргышка вызвала среди экипажа радостное оживление. Для юркого пассажира был немедленно сооружен просторный вольер. Умелые матросы смастерили в вольере качели. И каждый вечер туда стекался весь экипаж. Самое большое участие и внимание Яшке, так мы назвали обезьянку, уделял наш судовой врач Борис Степанович Григоренко. Он возился с ним все свободное время, мастерил подручными средствами какие-то удобства, а во время вечерних сборов был неистощим на рассказы из жизни обезьян, об их повадках. Сам бегал на камбуз, приносил еду. Полнобилла ее и наша повараха тетя Надя. Она была бездетной и так привязалась к этой обезьяне, что брала ее на руки, целовала, всегда оставляя той что-нибудь вкусненькое. Тетя Надя варила ей персонально кашу. Весело было смотреть, как Яшка справлялся с ее стрипней, уплетал бананы, грыз орехи.

Словом, каждый вечер у нас был обезьяний праздник.

Но однажды захожу я по какому-то вопросу к капитану. И капитан меня спрашивает:

– Аркадий Иосифович, где весь экипаж? Выхожу на палубу – а никого не видно. Только вахтенный матрос скучает у трапа. Где все остальные?

– Как где? – отвечаю, – возле обезьяны.

– Какой еще обезьяны?

Пришлось рассказать о появлении на судне Яшки.

– А паспорт у Яшки есть? – последовал вопрос после некоторого молчания.

Я заулыбался.

– Вы не улыбайтесь, – сказал капитан. – И позвоните ко мне судового врача.

Я бегу на корму. Там, как всегда, очередное представление. Яшка кувыркается, строит рожи, ему аплодируют. Обезьяне, разумеется, нравится такое внимание, и она рада еще стараться.

Я позвал Бориса Степановича. Приходим оба к капитану. Тот смотрит строго на судового врача и задает уже ему тот же вопрос.

– Борис Степанович, я только что узнал, что на судне появилась обезьяна. А документы у нее есть?

Наступила очередь смеяться судового врача.

– Зря смеетесь, – возмутился капитан. – Вы что, не знаете, что животное должно быть вакцинировано, у него должен быть паспорт со всеми прививками. Мы сейчас отправимся в Европу, а там нас поставят на карантин, да еще и оштрафуют из-за вашей обезьяны. Немедленно уберите ее с судна.

– Как? – у судового врача вытянулось лицо.

– Вы меня поняли? Иначе я сам сейчас с ней разберусь.

Сообщение о «депортации» Яшки для всех стало громом среди ясного неба, настолько все привыкли к этому забавному зверьку, смысленному и обаятельному. Но ослушаться было нельзя, вопрос серьезный.

Делать нечего, на следующий день матрос, купивший маргышку, вытаскал ее из вольера, надел поводок и повел на бомбейский причал.

И, не поверите, когда обезьянка поняла, что ее выгоняют и с ней прощаются, она начала плакать! Из глаз Яшки катились слезы, как большие горошины. Тяжело было смотреть на эту драматическую сцену.

И что интересно, обезьянка сидела до тех пор, пока мы не отчалили, все пыталась вернуться, подымала лапки, просилась обратно. Наши моряки сбежали на причал, давали ей фрукты.

И когда мы уходили, она стояла, продолжая плакать. Это было очень грустно.

У нас были на судах и коты, и собаки. Кстати, котов в плавании сильно укачивает.

Помню, однажды мы зашли в йеменский порт Аден для бункеровки, чтобы добрать топливо. Стояли на рейде. Подошла топливная баржа. И тут с нее к нам на судно перепрыгнул кот. Вначале никто этого не заметил. А утром, когда вышли в море, бокман мне говорит:

– Там на палубе прячется кот.

А у нас была собака первого помощника капитана, боксер по кличке Альма. Любвью среди экипажа Альма не пользовалась. Она чувствовала себя на судне хозяйкой, могла зайти в любую каюту, разлечься на койке. Человек приходит с вахты, а она его не пускает. Приходилось звать владельца Альмы, только он мог ее прогнать. А тут кот.

Вылез он. Смотрим, – рыжий, облезлый, худой, бока ввали. Посмотрел кот на нас презрительно и медленно пошел в сторону камбуза, откуда шли дразнящие запахи. И в это самое время на прогулку выходит Альма. Мы приготовились увидеть, как кот будет удирать. Но ничего подобного. Кот продолжал медленно идти в нужном направлении. Увидев пришельца, Альма начала грозно рычать. И тут кот, оперившись, смело бросился на любимца первого помощника капитана и вцепился той в морду так, что брызнула кровь. Альма, завизжав, стремительно ретировалась. А кот на камбузе был милостиво накормлен нашей поварахой.

Мы шли в порт Марсель. И этот бывалый морской кот, переехав в Европу, добрался с нами до Марселя. Когда мы швартовались, на причале сидела какая-то кошка. И наш Рыжий, даже не дожидаясь, когда спустят трап, прыгнул с борта к французской подружке, дождавшейся своего «моряка», и они вдвоем величаво ушли.

Твои Звезды, Одесса

Если зажигаются Звезды, значит это кому-нибудь нужно...

По инициативе Всемирного клуба одесситов в 2014 году на Ланжероновской улице появилась Аллея Звезд.

Александр Довженко, Антонина Нежданова, Владимир Жаботинский, Вера Холодная, Анна Ахматова, Эдуард Багрицкий Михаил Водяной, Кира Муратова, Юрий Кузнецов, Валентин Хруц, Олег Соколов, Михаил Жванецкий.. Ежегодно здесь устанавливаются и открываются новые Звезды в честь деятелей культуры, прославивших наш город. На топонимическую комиссию Одесского горсовета представляется список деятелей культуры, с юбилейными датами.

Зажигаются Звезды и в это тяжелое военное время. В День города 2 сентября 2023 года осуществить это по определенным причинам не удалось.

Но в начале марта уже 2024-го, к Всемирному Дню писателя в Одессе Аллея Звезд пополнилась новыми именами.

Михаил Иванович ЖУК – выдающийся украинский художник,

профессора графики, и в дальнейшем вся его жизнь была связана с нашим городом. Здесь в 1930 году украинская

художник, литератор, педагог (2.10.1883-7.06.1964). Будущий мастер кисти и пера родился 140 лет назад, 2 октября 1883 года. Был выпускником Киевской рисовальной школы и Краковской академии изящных искусств, одним из основателей Украинской академии искусств в Киеве в 1917 году. В 1925 году Михаил Жук был приглашен в Одесский политехникум искусств в качестве

общественность широко отмечала 25-летие его художественной и педагогической деятельности.

М. Жук много работал в жанре портрета, занимался оформлением книг и вошел в историю украинского искусства как один из самых ярких его представителей. В Одессе издавались его стихи, сказки, пьесы, всего выпущено 10 книг. По его пьесам шли спектакли в разных театрах страны. В 1930-х годах художник подвергся репрессиям, после чего перестал заниматься живописью. Предметом его художественной и педагогической деятельности стала керамика. Умер Михаил Иванович Жук в Одессе в 1964 году и похоронен на 2-м христианском кладбище.

А на фасаде дома по ул. Канатной, 76, где жил художник, в память о нем установлена мемориальная доска.

Александр Владимирович КОЗАЧИНСКИЙ – известный одесский писатель, журналист (29.07.1903-8.01.1943). Автор знаковой для Одессы повести «Зеленый фургон».

Его жизнь похожа на головокружительный остросюжетный роман. Октябрьский переворот, бесконечная смена властей, послевоенная разруха покaleчили не одну судьбу, отразились на жизнях людей, в том числе, и Александра Козачинского. Дворянский сын, примерный гимназист, голкипер одесской футбольной команды «Черное море», инспектор одесского уголовного розыска, главарь банды налетчиков, репортер газеты, писатель. И это все об одном одесском мальчишке, прожившем короткую жизнь, всего 40 лет. И все могло бы закончиться значительно раньше, если бы не гимназический друг Евгений Катаев (Петров), спасший ему жизнь. Он же настоял, чтобы Козачинский взялся писать повесть об истории их юности. Так Катаев стал прототипом Володи Патрикеева, а Козачинский – конокрада Красавчика.

За свою недолгую жизнь Александр Козачинский написал всего несколько рассказов и одну повесть. Но какую! «Зеленый фургон» любим многими поколениями читателей, его неоднократно экранизировали. Но многие страницы биографии автора так бы и остались неизвестны, если бы не краевед, коллекционер, Почетный член ВКО и Почетный гражданин города Михаил Пойзнер, который несколько лет вел кропотливую работу, собирая материалы о жизни писателя. Итогом его труда стало издание книги об Александре Козачинском и установка мемориальной доски в память о писателе на фасаде дома №1 по улице Базарной.

В апреле 2023 года исполнилось 80 лет со дня рождения А. Дорошенко.

Александр Викторович ДОРОШЕНКО – известный одесский писатель и ученый (15.04.1943 – 8.04.2021). Являлся доктором технических наук, профессором, заведующим кафедрой Одесской государственной академии холода, академиком МАХ. Говорят, талантливый человек талантлив во всем. Александр Викторович собственным примером подтвердил эту старую истину. Наряду с учеными степенями и званиями в нем проявился писательский дар.

Его книги – это гимн Городу, стоящему на берегу Черного моря. Писатель создал свой неповторимый жанр литературы – поэтично-исторический, интеллектуальный, документально-лирический. Романы и повести Александра Дорошенко давно полюбили читатели.

В числе произведений автора – «Переправа через Стикс», «Сентиментальное путешествие», «Атлантида Евреев» и «Сохраняю мою Речь», поэма «Мой Город», «Стерегищие глаза кошек», «Бедный кролик», «Отпусти мой Народ».

В 2007 году Александр Дорошенко стал лауреатом премии «Твои имена, Одесса».

600 фото Михайла Рибак

16 лютого у Всесвітньому клубі одеситів відбулася презентація незвичайної книги – «600 фото Михайла Рибак».

У чому ж незвичайність видання? Це легко зрозуміти, як тільки перевертаєш першу сторінку. Епоха, в якій жили ті, кому сьогодні від сорока і старших, обрушується документальною точністю кожного кадру, дістаючи з пам'яті спогади про те, як ми жили, працювали, любили, відпочивали, виховували дітей, подорожували, творили, мріяли...

Для тих, хто раптом забув, хто такий Михайло Рибак. Адже час безжалюдно минає, і знаменитого фотохудожника немає з нами майже чверть століття. Михайло Рибак все своє творче життя прожив в Одесі, проте його знали далеко за межами не лише нашого міста, а й країни. Заслужений журналіст України мав сім персональних виставок. Учасник та лауреат багатьох міжнародних, всеукраїнських конкурсів та виставок. Працював фотокореспондентом у всіх провідних одеських газетах, найбільше – 17 років – у «Вечірній Одесі».

Загалом, як гарно назвав свою передмову, присвячену книзі фотографій Михайла Рибак, ще один метр одеської журналістики Євген Голубовський – «Він знав усіх, його знали всі».

Зібрав та видав книгу фотосвідчень минулої епохи син майстра – Аркадій Рибак, також відомий одеський журналіст, багаторічний редактор газети «Порто-Франко», лауреат літературної премії імені Костянтина Паустовського. Аркадій Михайлович подарував книгу читачам бібліотеки №2 імені Костянтина Паустовського. Дякуємо автору, лауреату премії імені К. Г. Паустовського за співпрацю з бібліотекою №2.

Карина АПАРИНОВА,
бібліотека – філія 2 ім. Костянтина Паустовського.

М. Рибак. Автопортрет. 1990 р.

Михайло Рибак був одним із найвідоміших фотомайстрів Одеси, заслуженим журналістом України.

Протягом довгого часу син майстра ретельно відбирав найкращі фотографії батька і в підсумку зібрав їх під однією обкладинкою нової книги, названої просто «600 фото Михайла Рибак».

День презентації альбому був обраний не випадково. Саме цього дня вийшов перший номер газети «Порто-Франко», у якій працював Михайло Бенціонович Рибак. У стінах редакції він довгі роки зберігав свій фотоархів, без якого не вдалося видати цей альбом.

Редактор «Порто-Франко» відомий журналіст Аркадій Рибак у день народження газети представив книгу свого батька, яку він творив із великою ретельністю, любов'ю та професіоналізмом. Аркадій Михайлович розповів, що у них із батьком була спільна творча лабораторія, яка знаходилася у двох кімнатах 30-метрового підвалу. Там Рибак-старший у стелажі з коробками, в окремих конвертах зберігав негативи, результат 40-річної роботи, можна сказати, фотолітопис міста. Але одного разу, повернувшись із тривалої поїздки, син виявив, що підвал порожній, а замки змінені. Як вдалося так швидко приватизувати та перепрода-

ти приміщення, що було у комунальній власності, залишалося лише здогадуватися. Ось тут і згадав син про відбитки батька, які зберігалися в редакції «Порто-Франка». Ідея видати фотоальбом зрела у Аркадія Михайловича давно. Але війна прискорила справу, підштовхнувши до цього, давши зрозуміти, що не можна заважати. Почалася копітка робота. Альбом розбито на десять тематичних блоків. А в них ціла епоха другої половини минулого століття. З тисячі знімків були відібрані самі. У цьому зможуть переконались щасливі власники унікального фотоальбому. Рибак не вважав себе, як тепер заведено говорити, фотохудожником. Він позиціонував себе репортером. Він був фотомисливцем, який не знав поняття робочого часу. Робочим часом було все його життя, син завжди пам'ятав його в робочому процесі, з фотоапаратом на плечі, а краще з двома, з кофром зі змінною технікою. Михайло Рибак волів лише чорно-білу фотографію.

«Ніякі кольори не можуть так передати стан душі, як білий та чорний», – вважає майстер. Кажуть, що людина жива, поки про неї пам'ятають. І новий альбом – дань пам'яті, поваги та визнання його таланту.

Наталія БРЖЕСТОВСЬКА

Прогулка по бульвару Жванецкого

6 марта исполнилось бы девяносто лет Почетному гражданину города Одессы, известному сатирику Михаилу Михайловичу Жванецкому.

Юбилар прошёл путь всех одесских гениев: вырос в Одессе, уехал из неё, прославился на стороне и...никогда не забывал о своём любимом городе. И город платил ему всенародной любовью.

При жизни его фамилия даже бульвар назвала. Вы, например, знаете, ещё какого-нибудь одессита, в честь которого при жизни назвали улицу, переулок или бульвар? Вы говорите, что нет таких людей. А вот и есть. Это Почетный гражданин города – Григорий Григорьевич Маразли. В моей поэме об этом деятеле есть такие поэтические строки:

«За все дела его в Одессе почитали, при жизни даже улицу назвали...»

Так произошло и с Жванецким. Помимо бульвара ему ещё поставили памятник в Одесском саду скульптур. Но что ещё более впечатляет – человека бы убило или паром бы разбил. А ты это предотвратил. Молодец! Вот это я считаю своей заслугой. Это моя – наблюдательность!»

Думаю, если бы не наблюдательность Михалыча и талант выслушать собеседника, он никогда бы не стал большим артистом и писателем-сатириком. А, может, переквалифицировался бы в крановщик.

Крановщик, между прочим, профессия опасная, можно не только упасть с большой высоты, но и нарваться на большие неприятности.

Одного такого крановщика попросили однажды загрузить трактор на индийское судно. Показали документы. Думаега, работяга разбирается в этом? Нет, а надо бы. Увидев печать ЧМП, согласился. Но только грузчики стали крепить стропами трактор, чтобы его перенести, как появился охранник и остановил погрузку. Приехали специалисты из Конструкторско-Генерального Бюро, сокращённо КГБ, и разобрались за пару дней.

Оказалось, что какие-то умники просто пошутили, решив продать наш трактор, который ехал на ВДНХ в Африку, – индусам. Сварганили документы, и умудрились взять деньги, но не рубли. Были бы рубли, ну, и черт с ними. А так ведь доллары. В общем, каждый получил согласно своим талантам отпуск в различные трудовые лагеря, расположенные в местах вечной мерзлоты. Заодно пострадал и наш крановщик. Не хотелось бы о грустном. Но это порт.

А вот бульвар Жванецкого – совсем другое дело. Проведу вам небольшую экскурсию. Начинается бульвар с моста, который одесситы окрестили Тёщиным. Суще-

дел трещины. Оттяжка стрелы – это два таких стержня, которые держат стрелу. А стрела держит груз. И вот я залезаю туда и вижу трещину. Тут же сказал своему начальнику. Он полез вместе со мной и спросил: «А как ты её заметил? Это же ситуация смертельная! Груз бы упал – человека бы убило или паром бы разбил. А ты это предотвратил. Молодец!» Вот это я считаю своей заслугой. Это моя – наблюдательность!»

Думаю, если бы не наблюдательность Михалыча и талант выслушать собеседника, он никогда бы не стал большим артистом и писателем-сатириком. А, может, переквалифицировался бы в крановщик. Крановщик, между прочим, профессия опасная, можно не только упасть с большой высоты, но и нарваться на большие неприятности.

Одного такого крановщика попросили однажды загрузить трактор на индийское судно. Показали документы. Думаега, работяга разбирается в этом? Нет, а надо бы. Увидев печать ЧМП, согласился. Но только грузчики стали крепить стропами трактор, чтобы его перенести, как появился охранник и остановил погрузку. Приехали специалисты из Конструкторско-Генерального Бюро, сокращённо КГБ, и разобрались за пару дней.

Оказалось, что какие-то умники просто пошутили, решив продать наш трактор, который ехал на ВДНХ в Африку, – индусам. Сварганили документы, и умудрились взять деньги, но не рубли. Были бы рубли, ну, и черт с ними. А так ведь доллары. В общем, каждый получил согласно своим талантам отпуск в различные трудовые лагеря, расположенные в местах вечной мерзлоты. Заодно пострадал и наш крановщик. Не хотелось бы о грустном. Но это порт.

А вот бульвар Жванецкого – совсем другое дело. Проведу вам небольшую экскурсию.

Начинается бульвар с моста, который одесситы окрестили Тёщиным. Суще-

ствует несколько версий происхождения этого названия. Но мне нравится больше эта.

Шла как-то экскурсия по Тёщиному мосту. А я пристроился рядом и закинул ухо. Вы же помните: «Слух у меня плохой, зато уши хорошие!». Экскурсовод вещает: «Мост назвали Тёщиным в честь того, что зять одного парработника любил в обед ходить на блины к своей тёще». Проходит мимо мужчины и говорит: «А вы знаете, что через Горсад было ближе?» Экскурсовод смотрит пристально на него и спрашивает: «Вы откуда знаете?» А тот в ответ: «Я и есть тот самый зять».

Эту историю мне рассказал зять Михаила Синицы – того самого партийца, при котором было инициировано строительство моста.

И что только не происходило на этом мосту: и лунатики по нему ходили, и фильмы снимали, и забеги устраивали, в том числе и собачьи, и чудачки сигналы с него на тарзанках, и просто... Но не хочется о грустном...

А как-то новобрачные, которые в день свадьбы здесь и в окрестностях устраивают свои фотосессии, решили, что нужно, согласно европейской традиции цеплять на него замки. И цепляли.

Пока в 2014 году в Париже под тяжестью замков любви обрушилась часть парапета моста Искусств. Чтобы не допустить, такого в Одессе, – замки поносили. И в тот год количество разводов увеличилось в разы!

Я прямо вижу, как это происходило.

– Цыля, почему ты мне изменила?
– Абрам, а ты на Тёщин мост ходил?
– Нет.
– А вот я была и увидела, что сняли наш замок любви.
– И шо?
– Я сразу поняла, шо распался наш брак, и изменила тебе с Изей.

Чтобы с другими этого не произошло, в Одессе появилась композиция «Сердце любви». И стали на него новобрачные и молодожёны вновь цеплять замки. Вешают и вешают, вешают и вешают, там уже и места нет, а они всё вешают и вешают. А когда какие-то замки снимают, чтобы освободить место, то

бац – происходит развод. Не верите? А вы вот женитесь и проверьте! Но, может, вам повезёт, и вы не разведётесь!

Но мы гуляем дальше по Бульвару Жванецкого и видим красивое здание, памятник архитектуры – «Шахский дворец».

Первоначально Дворец построили отнюдь не падишахи, как может показаться из названия, а польский шляхтич Зенон Бржозовский. Делал он это исключительно из эстетических соображений – чисто по-одесски, помажорить за своё богатство. Он решил строить его в противовес Воронцовскому дворцу, находившемуся на противоположной стороне Военного спуска. Но тут за участие в Польском восстании Бржозовского сослали в Нижнее Поволжье, где он и сгинул. А Дворец стал медленно приходить в упадок. Вдова шляхтича стала сдавать дом в аренду, а затем продала.

В 1910 году взял Дворец в аренду персидский шахиншах – Мохаммед Али Шах,

для которого здание перестроили по проекту архитектора Феликса Гонсиоровского. Как же шах оказался в Одессе? – спросите вы меня и будете правы. Так вот, на родине шаха, в Персии, бац!, произошла революция (1907-1910). Вместе с гаремом шах сбежал в Одессу, где навровавал пролетариев – босняков и матросов. Через год вернулся на родину, отвоёвывать власть, но потерпел поражение (1911). Снова сбежал в Одессу. И здесь шах влюбился.

Экскурсоводы покажут вам балкон, откуда шах сбрасывал своих жён за провинность. А потом расскажут, что шаху так намозолил глаза и ещё одно место его гарем, что он стал сбегать из Дворца на Молдаванку к своей новой пассии. И вроде жизнь стала налаживаться. Но тут снова, бац!, и в Одессе революция и гражданская война случились! Шах снова сбежал, на этот раз в Константинополь (Стамбул), прихватив с собою и гарем, и новую возлю-

бленную. А там, бац, и снова революция (1923)! Тогда наш шах сбежал в Италию, в Сан-Ремо, где благополучно помер (1925). Но не будем о грустном.

Если пойти вдоль бульвара от Шахского Дворца вниз, то окажешься у памятника Апельсину, или, как его называют одесситы, «Взятке». История эта весьма занятная.

Когда отдала богу душу императрица Екатерина в 1796 году, то её сын Павел, прекратил финансирование Одессы и строительство порта. Коммерция заглохла, город стал чахнуть. Но одесские негоцианты, прознав, что Павел любит лакомиться апельсинами, послали тому презент – 300 померанцев (греческих апельсинов). Павлу подарок так понравился, что финансирование продолжилось. А теперь скажите, что это, как не взятка?

Первоначально памятник установили на пересечении улиц Ланжероновской и Пушкинской в 2004 году. Находчивые одесситы тут же стали шутить: какое символическое место выбрали для монумента: с одной стороны – мэрия, с другой – бывшее парокходство и областная прокуратура – а ровно посередине памятник «Взятке». Чтобы избежать кривотолков, в 2007 году памятник решили убрать с глаз подальше, на Бульвар Искусств. И до недавнего времени памятник весьма гармонично смотрелся рядом с табличками, снабжёнными цитатами Жванецкого. Особенно с этой: «Имей совесть – и делай, что хочешь» или «У нас чего только может не быть. У нас всего может не быть. У нас чего только не захочешь, того может и не быть».

А неподалеку высятся три десятиэтажки. Так вот на этом самом месте когда-то находился вишнёвый сад с усадьбой, принадлежавший помещице Васильевой, которую Антон Павлович

Чехов вывел в образе дочери Раневской Ани, а её слугу в образе Фирса. И что же? То же что и всегда, как говорил великий сатирик: «Снесли, распилили, продали, раскопали, застроили, продали».

Идем дальше и видим: слева – детская площадка, в центре – памятник, а дальше – «Дом художников», откуда художников провожают в последний путь. Особо именитые имеют на фасаде дома со стороны бульвара свои памятные доски.

Однако сто лет назад на этом месте стоял замок магната Константина Карловича де Азарта. Это было величественное палаццо в английском стиле. Интересно, что до этого здесь стоял домик с привидениями. И всё, как всегда! Домик снесли, построили Дворец. Во Вторую мировую войну Дворец разбомбили, да так, что не осталось камня на камне. Однако на привидениях это никак не отразилось, они никуда не девались, затаились временно.

Ну вот, только начал экскурсию, а уже нужно бежать о многом поведать. И о полётах Уточкина на воздушном шаре – с соседнего участка. Об историях, происходивших на Ювелирном заводе, о Дворце Поточкого и первой ёлке, подземном гроте, катакомбах под бульваром, о знаменитой арке, где снималось столько фильмов и о многом другом, однако – цейтнот.

Вот немного прошёлся и увидел, что проводится современное освещение, перекладывается брусчатка, растут, как грибы, высотки, скоро появятся первые адреса на бульваре, так что, процесс не стоит на месте.

Как сказал, какой-то греческий умник по имени Гераклит: «Всё течёт, всё меняется». Но, как добавил знаменитый сатирик, «Не всегда в лучшую сторону». А мы таки будем надеяться на лучшее.

Вячеслав СЛИСАРЧУК, краевед

STRATEG

ВИРОБНИК ДИТЯЧИХ ІГРАШОК

Засновник газети **Євген ГОЛУБОВСЬКИЙ**

Редактор
Наталія БРЖЕСТОВСЬКА

Верстка
Поліна КУЧИЄРСЬКА

Веб-дизайн
Олег ТКАЧЕНКО
Фото **О.Синельников, Михайло Рибак,
Г. Гергая, А. Голубовська, М.Пойзнер**

Рукописи не рецензуються та не повертаються. Відповідальність за точність фактів, що повідомляються, несуть автори. Погляди редакції не завжди збігаються з поглядом авторів.

Реєстраційне свідоцтво № 508.
Тираж 300 прим. Заказ №.
Газету надруковано в ООКП «Видавництво «Чорномор'я», 65008, м. Одеса, пл. Дерев'янка, 1.

Даний номер є додатком до газети «Вечерня Одесса», свідоцтво № 2044-914ПР

Адреса редакції:
65014, Одеса,
вул. Маразлівська, 7.
Тел.: (048) 725-45-67,
www.odessitclub.org